

Николай АНДРЕЕВ

ТАК СКАЗАЛА БАБУШКА

Не ищите приключений — они сами найдут вас...

ЛЮБИМЫЙ **ДЕТЕКТИВ**

Любимый детектив. Сделано в СССР

Николай Андреев

Так сказала бабушка

«ВЕЧЕ»

2003

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6

Андреев Н. В.

Так сказала бабушка / Н. В. Андреев — «ВЕЧЕ»,
2003 — (Любимый детектив. Сделано в СССР)

ISBN 978-5-4484-5316-8

Василий Романов — любимый герой произведений известного мастера остросюжетного жанра Николая Андреева — как всегда оказывается втянутым в очередные детективные истории. В повести «Так сказала бабушка» он, чтобы доказать свою невиновность, вынужден расследовать убийства, в которых признаются все, кто в это время находился в доме, включая самого Романова. А в романе «Список восьми» Василий попадает в опубликованный местной газетой перечень худших людей города, и ему, чтобы не умереть, как в скором времени умерли все из этого списка, необходимо найти ответы на вопросы: кто это сделал, как и зачем...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-5316-8

© Андреев Н. В., 2003

© ВЕЧЕ, 2003

Содержание

Так сказала бабушка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Николай Андреев

Так сказала бабушка

© Андреев Н. В., 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

* * *

Так сказала бабушка

Необычное в этом году выдалось начало июня, странное. Весна по календарю уже кончилась, а лето, о наступлении которого провозгласили в домоуправлении перед тем, как отключить отопление, еще не наступило. Солнца нет, тепла нет, бабушка изнылась, не зная, что надеть в гости: то ли новый плащ, который, по ее словам, душу грел больше, чем тело, то ли пальто, которое грело тело, но смущало настроившуюся на летнюю волну душу. В итоге, как я и предполагал, победил компромисс. Несмотря на мои уговоры не смешить людей – одеться по сезону, бабушка укуталась в старое толстое пальто, а плащ велела взять с собой:

«Переоденусь в машине, перед тем как зайти в дом».

Машина – это родительская «копейка», а дом – трехэтажный коттедж Худобиных в поселке Мыскино, построенный дядей Толей – недавно умершим родным братом бабушки. Вообще-то, правильнее было бы его назвать моим двоюродным дедушкой, вот только величать дедушкой человека, который при жизни бессовестно игнорировал внуков, не относящихся, как сказано в Гражданском кодексе, к наследникам первой очереди, не очень-то хочется. Тем более что я в этой очереди, по выражению одной моей бывшей подружки – студентки юридического факультета, – нахожусь где-то между моей мамой и ее, подружки, будущей внучкой. Ну и ладно. Главное, что к бабушке это не относится. Дядя Толя, надо отдать ему должное, не только искренне любил ее, но и сумел привить это чувство всем Худобиным вообще и своему сыну Виктору, способному, как мне всегда казалось, любить только тех, кто богаче его, в частности. Несмотря на небольшую разницу в возрасте – ему тридцать два года, мне двадцать три, – Виктор считался моим двоюродным или, как сказано в том же Гражданском кодексе, неполнородным дядей. Однако называть дядей человека, в устах которого выражение «дальние родственники» звучит чуть ли не как «дикие предки», язык не поворачивается.

Шоссе у въезда в Мыскино, несмотря на недавний дождь, оказалось на удивление сухим и чистым, словно незадолго до нашего приезда кто-то прошелся по нему большой метлой. Нигде ни пятнышка, ни соринки, и только на обочине, где трава вплотную подступала к асфальту, можно было кое-где заметить черные пятна луж.

Не люблю я Мыскино. Не столько поселок – многоэтажный, помпезный, всем своим видом демонстрирующий окончательную победу частного капитала над коллективным хозяйством, сколько живущих в нем Худобиных, благодаря стараниям которых ковалась эта историческая победа. Каждый раз, приезжая к ним в гости, я постоянно испытывал чувство неловкости. Так, словно у меня под лопаткой застряла колючка и я, вместо того чтобы получать удовольствие от общения с родственниками, вынужден считать минуты, когда можно будет пойти переодеться. Да что там я! Даже бабушка, несмотря на горячую любовь к Виктору, приезжала сюда, как я заметил, с явной неохотой. Однако воля умершего брата – закон, а закон, в частности, гласит: «Местом открытия наследства является последнее место жительства наследодателя». Не знаю, как правильно трактовать формулировку «место открытия наследства», но, судя по официальному приглашению посетить поселок Мыскино, дабы присутствовать при оглашении завещания, наследодатель – дядя Толя, по всей видимости, решил именно здесь ошастливить сестру частичкой своего благосостояния.

Бабушка хоть и не слыла сребролюбивой, но возможному наследству обрадовалась. Пообещав купить себе и мне по теплому пальто, а если наследство окажется большим – и машину, еще раз перечитала текст приглашения, подписанного неким Романовым, и решила ехать.

Я согласился: ехать действительно надо. И дело даже не в пальто, которые мы ей как-нибудь купим сами – не разоримся, и уж, конечно, не в гипотетическом автомобиле, а в том ува-

жении, которое каждый из нас, живущих, обязан проявить к умершему родственнику. Каким бы он ни был.

Так сказала моя бабушка.

* * *

Не успел я загнать машину во двор, как полил дождь. Крупный, сильный, он обрушился на поселок так же внезапно, как и утих. Не успела бабушка в салоне автомобиля переодеться в плащ, как туча рассеялась и из-за конька крыши, приветливо улыбнувшись, выглянуло солнышко.

Нас встретил работник Худобиных – Михаил, единственный в Мыскино человек, с кем можно было поговорить по душам, не опасаясь того, что тебя перебьют на полуслове и, снисходительно похлопав по плечу, посоветуют чаще прислушиваться к мнению старших. Худой, нескладный, лично мне он был симпатичен тем, что, несмотря на немалые годы – а выглядел он лет на пятьдесят, не меньше, – был напрочь лишен важности, свойственной людям его возраста. Перед тем как ответить на любой, даже самый незначительный вопрос, он – всегда улыбочивый – застенчиво поднимал глаза и смотрел так, словно заранее хотел успокоить собеседника. «Ничего страшного», «Ты, пожалуйста, не волнуйся», «Всё будет хорошо», – казалось, говорил его всегдашний вид. С ним было легко и спокойно. Настолько легко, что даже Виктор, любящий по поводу и без продемонстрировать свой дурной характер, «ндрав», как однажды по этому поводу выразилась бабушка, только раз обругал его при первой встрече, видимо «для порядку», и больше, насколько я знаю, не трогал.

Михаил появился у Худобиных около полугода назад. За две грядки земли, выделенных ему дядей Толей в углу своего сада, небольшую зарплату, бесплатную кормежку и каморку на первом этаже рядом с кухней он взвалил на себя все хлопоты по ведению хозяйства. Вставал с рассветом, готовил еду, мыл посуду, убирался в доме, работал на участке. Когда наступал вечер, закрывался в своей комнате, включал телевизор, пил портвейн, о чем, как ему казалось, никто не догадывался, и смотрел бесконечные сериалы. Кто он такой, откуда пришел, мы не знали – на вопросы о своем прошлом Михаил отвечал неохотно. О нем было известно лишь то, что в молодости он работал шофером, задавил человека, попал в тюрьму, отсидел срок и вернулся доживать век в родные места. Еще у него была женщина, у которой он ночевал раз в неделю, с пятницы на субботу, однако о том, что это за женщина и как ее звать, никто не знал. Впрочем, если быть откровенным, никого это особенно не интересовало – всем хватало своих проблем. Женитьба Виктора, гибель Виолетты – дочери дяди Толи и, наконец, смерть после долгой болезни самого дяди Толи отодвинули на второй план все другие события, происходящие вокруг них.

Сегодня как раз была пятница. Открыв дверь, Михаил помог бабушке снять плащ. Подал тапочки и принялся торопливо одеваться. Доложил вышедшему встречать нас Виктору о проделанной работе (обед на плите, газонная трава на лужайке со стороны кабинета скошена, грядки прополоты), попрощался со всеми и, мелко семена ножками, побежал в сторону автобусной остановки.

– Бедный человек, – вслед ему вздохнула бабушка. – Ни кола ни двора. К бабе, как в баню, по расписанию ходит... Разве это жизнь?

Я согласился: это не жизнь. Жизнь – это теперь у Виктора Худобина. Три этажа дорогой мебели, зимний сад, сауна с бассейном, классная тачка в гараже, богатая библиотека, профессиональный бильярд и куча ненужных, но крайне приятных вещей: картины, камин, ковры и хрустальные люстры. Одно слово – коттедж. Но вот о чем я подумал, когда в последний раз был здесь на дне рождения Виолетты – родной сестры Виктора: чем больше Худобины вкладывали в этот дом денег и чем больше они наполняли его безумно дорогими вещами, тем меньше он

мне нравился. Может, ему не хватало того, что зовется человеческим духом, а может, человека, который мог бы вдохнуть его, – не знаю, но без этого любой, даже самый незаурядный дом, на мой взгляд, неминуемо превращается в заурядный музей. И только зал на первом этаже оставлял приятное исключение. Просторный, отделанный темным ореховым деревом и местами задрапированный толстой материей, он на первый взгляд не производил должного впечатления. Но стоило подышать его воздухом, потрогать руками теплые стены, как сразу начинаешь понимать: зал – лучшее из того, что здесь есть. Именно в этом зале любили собираться Худобины и их гости. Тут они смотрели телевизор, болтали, пили коньяк... Единственное неудобство, на мой взгляд, заключалось в его не совсем удобном расположении. В двух метрах от входной двери, как раз напротив ведущего в кабинет дяди Толи коридора, находилась лестница. И поэтому каждый, кто, войдя с улицы, хотел подняться наверх или, наоборот, спуститься вниз на улицу, волей-неволей вынужден был пройти по краю комнаты, что лично меня всегда сильно раздражало.

Сегодня в этом зале собрались наследники. Судя по их количеству, причем весьма незначительному, дядя Толя оказался верен себе и на этот раз: всё – только самым близким. А поскольку из самых близких у него остались: сын Виктор со снохой Анечкой – прелестным двадцатилетним созданием, сестра – моя бабушка и родной племянник Константин, ему не пришлось долго ломать голову над тем, как свои миллионы разделить между тремя родственниками. Или, быть может, четырьмя, если учесть появление в Мыскино Максима Валерьяновича Рыльского – младшего брата давно умершей жены дяди Толи.

Интересный тип этот Максим Валерьянович. Крайне нелюдимый, – я так думаю, вряд ли кто из присутствующих, кроме бабушки, встречался с ним больше трех-четырёх раз, – он обладал необыкновенной внешностью. Просто страшно необыкновенной. Я бы даже добавил: жуткой. Изрытое глубокими морщинами бледное лицо, большой лоб, белые как мел губы, настолько тонкие, что можно говорить об их полном отсутствии, узкие, с розовыми белками глаза, казалось, нацеленные на поиск твоего наиболее уязвимого места, – вот далеко не полный портрет человека, о котором дядя Толя отзывался как о своем добром товарище. А товарищу, несмотря на то что выглядел он на все шестьдесят, было, как мне по секрету рассказала бабушка, не больше сорока пяти лет.

Пока я носил вещи наверх, в нашу спальню, бабушка продолжала здороваться с присутствующими. Поцеловала в лоб Виктора, подставила щеку Константину и подошла к Максиму Валерьяновичу. Спросила: как дела, внимательно выслушала то, что тот соизволил ответить, похвалила за бравый вид и в конце разговора, чуть повернув голову, вопросительно посмотрела на стоявшего в стороне незнакомца.

Чуть старше сорока, невысокий, худой, этот привлечший бабушкино внимание новый гость в доме Худобина выглядел так, как выглядят больные люди, когда их посреди ночи поднимают с постели. Всё в нем, кроме тщательно зачесанных назад волос, было мятым: пиджак, брюки, воротник рубашки, невыспавшееся лицо. И даже тапочки ему достались какие-то пожеванные, с оборванной каймой и сбитой пяткой.

Поймав на себе бабушкин взгляд, незнакомец встрепенулся. Расправил плечи и отвесил вежливый полупоклон в её сторону.

– Василий Сергеевич! – представился он. Потом немного подумал и, решив, что одного имени-отчества, видимо, недостаточно для того, чтобы полностью идентифицировать себя, добавил: – Романов. Исполнитель завещания Анатолия Николаевича. Или его поверенный, как вам будет угодно.

Он сказал это нарочито просто, со сдержанным чувством достоинства, так, как произносят чины и звания большие начальники, когда хотят казаться скромными чиновниками, или скромные чиновники, когда хотят выглядеть большими начальниками.

Я подсел к Анечке. Коснувшись губами ее уха, прошептал, что если у поверенного и есть какой-то чин, то, скорее всего, настолько незначительный и пошлый, что он постесняется назвать его.

Анечка хихикнула, чем вызвала недовольство мужа. Виктор посверлил злым взглядом мой лоб, потом отвернулся и тоном, не терпящим возражений, предложил Романову наконец-то заняться делом, ради которого тот был нанят, а именно: зачитать завещание отца.

Конечно, всё то же самое можно было бы сказать деликатнее, но Виктор, как обычно, не смог удержаться, чтобы не нахамить.

Впрочем, Романов, кажется, и не думал обижаться. По крайней мере, грубостью на грубость, на что я рассчитывал, отвечать не стал.

– Наверное, из интеллигентов, – коснувшись губами моего уха, прошептала Анечка.

Я с готовностью рассмеялся, чем вызвал новую волну недовольства Виктора. Он обернулся в мою сторону и, прищутив правый глаз, что, видимо, должно было означать крайнюю степень раздражения, спросил: над чем это я, собственно говоря, смеюсь.

Напугал! Я бы, конечно, мог ответить ему, что после того, как он взял в жены девочку на двенадцать лет моложе себя, смеяться стало действительно не над чем, но промолчал – бабушку не хотел расстраивать: она и так, бедная, переживала по этому поводу весь их медовый месяц.

Виктор завелся. Не дождавшись от меня ответа, набросился на Романова. Начав с утверждения того, что исполнитель завещания – пустая трата денег на пустых людей, он незаметно для самого себя углубился в дебри этимологии.

– Слово «поверенный», – ткнув пальцем в грудь Василия Сергеевича, сказал он, зло проговаривая каждый слог, – произошло от слова «верить», а не «вареный», как вы, вероятно, изволите думать, – после чего повернулся к нему спиной и закончил свой спич пространным рассуждением о непрофессионализме и лени как двух главных бедах нарождающегося капитализма в России.

Наконец Романов обиделся. С каменным лицом он подошел к столу. Поднял с пола старый портфель, с каким, наверное, еще его бабушка ходила в школу, из портфеля вынул картонную папку, из папки – лист бумаги и объявил, что, выполняя волю покойного, он, исполнитель завещания Анатолия Николаевича Худобина, должен ознакомить наследников с его последним обращением.

– «Моим наследникам, – прочитал заголовок обращения. – Я, Худобин Анатолий Николаевич, находясь в здравом уме и твердой памяти, делаю следующее распоряжение. Первое: предыдущее завещание от двенадцатого февраля две тысячи четвертого года считать недействительным. Второе: анониму, приславшему письменное сообщение об убийстве моей дочери Худобиной Виолетты Анатольевны, датированное четырнадцатым апреля, надлежит в течение трех суток со дня оглашения данного послания сообщить в правоохранительные органы известное ему имя убийцы. В случае если лицо, указанное анонимом, будет признано судом виновным в убийстве моей дочери, должно вступить в силу завещание от шестнадцатого апреля две тысячи четвертого года, другое завещание, от семнадцатого апреля, не вскрывая, уничтожено в присутствии наследников. Третье: в случае если аноним не проявит себя в течение трех суток или лицо, указанное им, не будет привлечено к уголовной ответственности за убийство моей дочери, завещание от шестнадцатого апреля следует уничтожить, а окончательным завещанием считать завещание от семнадцатого апреля две тысячи четвертого года. Четвертое: выполнение моей последней воли возлагаю на Романова Василия Сергеевича... Подпись – Худобин. Дата – семнадцатое апреля, две тысячи четвертый год».

Прочитав обращение к наследникам, Романов, не зная, что делать дальше, несколько секунд повертел листок в руках. Затем сунул обратно в конверт и положил на стол.

Все ошеломленно молчали.

– Это все? – первой опомнилась Анечка.

Судя по вздоху облегчения, ее не особенно расстроила отсрочка выдачи денег. Похоже на то, что из всех присутствующих она была единственным человеком, кому хватало тех средств, которые уже имела.

Романов кивнул: да, все.

– А... а как же... – Виктор хотел спросить: «А как же мое наследство?», но, по-видимому, постеснялся. Спросил иначе: – А что это за анонимка?

– Да! – поддержал его Константин. – Что значит «сообщение об убийстве моей дочери Худобиной Виолетты»? Выходит, кто-то видел, как ее убили?

Плутина прорвалась. Наследники, перебивая друг друга, накинулись на исполнителя завещания с вопросами, касающимися причин, вынудивших дядю Толю изменить завещание.

– Кто мог такое написать? – ахнула бабушка. – Это очень даже странно.

Романов согласился: действительно, странно.

– А кто убил, там, значит, ничего не сказано?

– Нет.

– А за что?

– Скажите! – перебил бабушку Константин. – Только ли анонимка стала причиной изменения завещания, или был какой-то другой повод?

Романов ответил, что, о других причинах ему ничего не известно.

– Так что все-таки написано в анонимке? – повысил голос Виктор.

Романов ответил, что поскольку анонимка осталась у Анатолия Николаевича, он может воспроизвести ее содержание только по памяти.

– Смысл ее такой... Аноним сообщил, что ему доподлинно известно о том, что Виолетта – дочь Анатолия Николаевича – была задушена одним из присутствующих на ее дне рождения гостей. И что он готов назвать имя убийцы при условии выполнения Анатолием Николаевичем его требования...

– Какого? – спросил Константин.

Не успел я сказать, что требование может быть только одно – деньги взамен выдачи убийцы, как Виктор, опередив меня, выразил сомнение в том, что самому Константину ответ неизвестен.

– Известен, – согласился тот. – И я, если хочешь знать, спросил это только для того, чтобы Василий Сергеевич официально подтвердил или, наоборот, официально опроверг мое предположение о том, что речь в завещании от шестнадцатого апреля идет об увеличении числа наследников за счет анонимщика...

– Или об увеличении доли одних наследников за счет других, – вставил Максим Валерьянович.

– Да, кстати! А кто-нибудь, кроме нас, ближайших родственников, еще указан в завещаниях? – Виктор повернул лицо в сторону Романова. – Есть такие?

Романов подумал и сказал: есть. Почесал пальцем кончик носа, обвел взглядом присутствующих и после небольшой паузы, во время которой, казалось, решал, имеет ли он право обнародовать эту информацию, кивнул в мою сторону:

– Вас ведь, кажется, зовут Игорь? Игорь Евгеньевич Курочкин, если не ошибаюсь?

В этот момент я почувствовал, как у меня – Игоря Евгеньевича Курочкина – покраснели уши. словно к ним приложили раскаленные камни и удерживали до тех пор, пока кожа не запылала огнем.

– Вот так номер! – присвистнул Константин. – Игорек привез бабушку в деревню, называется.

– Анатолий оставил ему наследство? – Бабушка, как всегда, всё поняла последней, а когда поняла, решила всё разложить по полочкам. – А какое, можно узнать?

Пообещав сообщить об этом через три дня, Романов извинился за то, что не отправил мне личное приглашение, и в двух словах объяснил причины своего поступка. Первая – он знал, что я и без его приглашения приеду сюда с бабушкой, а вторая... Вторая, по его словам, кроется в самом завещании.

Оставшись вполне довольной объяснением Романова, бабушка подошла ко мне. Поцеловала в лоб и спросила, отчего я такой грустный.

Ах, бабушка, бабушка! Она опять ничего не поняла. То, что дядя Толя упомянул меня в своем завещании – это пока только условный плюс: никто, кроме Романова, не знает, что в нем, – но вот то, что братья Худобины подозревают меня в написании анонимки – минус безусловный. И всё потому, что злые они, нехорошие, мстительные. А самый нехороший и мстительный из них – Константин.

Чуть выше среднего роста, полный, горбоносый, он привык смотреть на мир, как ворона, сидя на суку, смотрит на деревенский двор, выискивая, чем бы поживиться. Он нигде не учился, нигде не работал, по крайней мере официально, однако при этом, сколько его помню, всегда был при делах и при деньгах. В нашей семье его открыто недолюбливали, но говорили о нем часто и охотно. Так, например, рассказывали, как однажды, в начале девяностых, через несколько дней после похорон попавших в автокатастрофу родителей, он нашел на улице пачку талонов на питание, пошел вместо школы в магазин, выменял два талона крупы на талон сахара, талон сахара на два талона табака, два талона табака на талон водки, один талон водки на четыре талона крупы, четыре талона крупы на два талона сахара, и в результате образовавшуюся в конце недели прибыль в виде ящика «Русской» не продал, не пропил, а подарил – безвозмездно! – взявшему его на воспитание дяде Толе. Удивительно умный мальчик. Дядя Толя, говорят, аж прослезился, увидев, с чем к нему пожаловал племянничек. Выпил стаканчик-другой из подаренного ящика и, растрогавшись еще больше, ответил подарком на подарок – отправил его вместе с сыном отдыхать за границу. Туда Костя повез икру, а оттуда привез видеомэгафон, в отличие, к слову, от Виктора, купившего себе в первом же аэропорту кучу импортных шмоток. Видеомэгафон Костя продал, а деньги отдал в рост. Тем и жил полгода. Через полгода его должница – женщина, как сейчас помню, по фамилии Суслик, торговавшая одеждой на толкучке, отказалась возвращать деньги, мотивируя свое решение тем, что взятую сумму она и так вернула в виде процентов. На замечание Кости, что проценты – это проценты, а долг есть долг и смешивать эти два понятия нельзя, Суслик ответила твердым отказом. А когда ей надоело отвечать, Костю побили. Несколько парней в спортивном трико подкараулили его после уроков, затащили в подъезд, ударили пару раз чем-то по голове и пригрозили, что, если он, терпила, не перестанет докучать уважаемому человеку неуместными просьбами, его попросту убьют. Костя пообещал не докучать. Но, узнав от мальчишек во дворе, что один из взрослых парней с соседней улицы ограбил мужчину, оказавшегося скандальным журналистом, разработал план мести. Напросился в гости к однокласснице, чей брат работал в милиции, познакомился с ним, и во время ни к чему не обязывающего разговора о наделавшем много шума ограблении газетчика, выразил готовность назвать имя грабителя, если, конечно, ему помогут выбить у должника деньги. Через день преступника арестовали, через два – вышла хвалебная статья в газете, где говорилось о перестройке, коснувшейся правоохранительных рядов, через три – брат одноклассницы получил от начальства благодарность, а через четыре – Суслик вернула Косте долг... Однако Худобин не был бы Худобиным, если бы на этом остановился. Через пять дней бабушка, которой Костя со слезами на глазах назвал сумму, которую переплатил за рубашку, в гневе написала в ОБХСС письмо, где уведомила власти в том, что гражданка Суслик, торгующая на толкучке импортной одеждой, не исключено контрабандной, на глазах сотен людей бессовестно обворовывает сирот. Прошло еще несколько дней, и гражданка Суслик исчезла. Куда – неизвестно, но на толкучке с той поры ее уже никто никогда не видел.

Историй, подобно этой, в нашей семье ходило про Константина множество. И в каждой из них он не мытьем, так катаньем добивался поставленных перед собой целей: будь то возврата долга или приватизации разорившегося с его же помощью какого-нибудь свечного заводика. Несмотря на то что методы, какими он пользовался, были не всегда законными и всегда, с точки зрения нормального человека, грязными, дядя Толя и Виктор Худобины поддерживали Константина в его деятельности и всячески поощряли. Я же Константина не поддерживал, не поощрял, поскольку всегда считал: порядочные люди так поступать не имеют права.

И именно поэтому у меня никогда не будет своего свечного заводика.

Так сказала бабушка.

Константин встал с кресла. С интересом посмотрел на меня, как ворона смотрит на захромавшую курицу – не ранено ли у нее еще чего, – задумчиво почесал ухо и, повернувшись в сторону Виктора, высказал желание перекусить. Я поддержал его, заявив, что одним и даже двумя застываниями сыт не будешь, тем более что самое сладкое застывание – второе, по всей видимости, подадут к столу не раньше, чем посадят убицу Виолетты.

Спорить со мной никто не стал. Пообещав вернуться через полчаса, бабушка с Анечкой встали со своих мест и отправились на кухню.

Пока они разогревали приготовленную Михаилом еду, Максим Валерьянович Рыльский включил телевизор. Задернул шторы на окнах и попросив до обеда не беспокоить, уселся перед экраном.

Худобины тем временем достали из бара бутылку французского коньяка, два пузатых бокала и, о чем-то тихо переговариваясь, ушли в кабинет дяди Толи. Я подождал несколько секунд – не позовут ли меня? – а когда понял: не позовут, – подошел к Романову.

Разговор у нас не получился. Романов на все вопросы отвечал односложно, словно был огорчен тем же, что и я, – негостеприимством Худобиных, поминутно бросал взгляды то в сторону коридора, где в кабинете дяди Толи без нас пили коньяк, то на задремавшего перед телевизором Максима Валерьяновича.

– Скажите, – тихо спросил он, – вы давно знаете Рыльского?

– А что?

– Он всегда так выглядел?

– Как – так?

– Как вурдалак из фильмов ужасов.

Я ответил, что фильмы-ужасы принципиально не смотрю, предпочитаю кино Тинто Брасса. А что касается Рыльского, то добрее человека, чем он, говорят, не сыскать. Правда, для того чтобы убедиться в этом, необходимо хотя бы раз пообщаться с ним тет-а-тет, желательно за полночь, но на это, насколько мне известно, до сих пор еще никто не решился.

– Так что у вас есть шанс быть первым.

Романов улыбнулся и ответил загадочной фразой, смысл которой заключался в том, что внешность человека не всегда определяется характером, но почти всегда биохимические процессы, происходящие в организме, определяют внешность.

Вот так. Пока я раздумывал над тем, какие такие процессы в организме душеприказчика заставляют его казаться умнее, чем он есть на самом деле, вернулись женщины.

Поставив поднос с едой на стол, бабушка велела звать племянников.

Племянники вышли из кабинета навеселе. Виктор, ни на кого не глядя, занял место во главе небольшого стола, расположенного в углу зала, рядом с камином, Константин – веселый и шумный от выпитого коньяка – рядом с Романовым.

– Не желаете ли, Василий Сергеевич, французского грамм пятьдесят? – предложил он.

Не дожидаясь, когда у Романова желание выпить французского переборет желание прослыть трезвенником, наполнил его рюмку из новой бутылки и вопросительно посмотрел на Рыльского – не налить ли ему тоже.

Рыльский отказался.

– Ах да! – вспомнил Константин. – Вы же, кажется, совсем не пьете... Жаль!

Он произнес это таким тоном, каким обычно обращаются к человеку, когда хотят выказать презрение его дурным привычкам.

Максим Валерьянович положил вилку на стол. Поднял глаза и негромко сказал о том, что много лет бокалу красного вина предпочитает хороший кусок бифштекса с кровью. После чего посмотрел на Константина так, как будто хотел высмотреть у него наиболее уязвимое место, и добавил, что даже здоровому человеку пить следует в меру.

Судя по тому, куда был направлен взгляд, самое уязвимое место у Константина находилось между адамовым яблоком и подбородком.

Константин жалобно улыбнулся. Ослабил узел галстука, словно тот мешал ему дышать полной грудью, и натужно рассмеялся.

– И это правильно! – сказал он. – Лучше переест, чем перепить.

Максим Валерьянович согласно кивнул. Опустил глаза и как ни в чем не бывало продолжил трапезу.

Не знаю: то ли фраза про бифштекс с кровью прозвучала в устах Рыльского чересчур зловеще, то ли натужный смех Константина был тому виной, – но первые пять минут обеда прошли в тягостном молчании. Константин с Романовым налегали на коньяк, я с Анечкой – на овощные салаты, и только бабушка, положив ладони на колени, ничего не ела, не пила.

– А ты чего, тетя Катя, не кушаешь? – спросил Виктор. – Не нравится?

– Не обращайтесь на меня внимания, – ответила бабушка. – Я потом на кухне поем.

– Не понял! Почему это на кухне?

– Потому, что у бабушки прогрессирующий полиартрит! – ответил я.

И добавил: надо быть Худобиными, чтобы не замечать того, что всем давно видно. А именно, что их родной тетке с каждым днем все трудней держать в руках столовые приборы.

Бабушка виновато посмотрела на Виктора. Сказала, что ей неприятно, когда люди наблюдают за ее мучениями.

– А вот тебе, Игорь, пора перестать бросаться на людей! Хватит уже!

Она поправила загнутый край скатерти – так, чтобы при этом никто не увидел ее скрюченных пальцев, и, благодарно улыбнувшись Виктору, попросила не беспокоиться за нее.

А тот и не думал беспокоиться. Пообещав нанять лучшего в городе ортопеда, он с видом спонсора, только что оплатившего счета бабушкиным докторам, развалился на стуле и принялся снисходительно взирать на то, как Константин пытался заставить Романова раскрыть содержимое завещаний.

Получив очередной отказ, Константин взял бутылку коньяка и высоко поднял над столом.

– Не желаете говорить – не говорите, ваше право, – сказал он, – но выпить-то, Василий Сергеевич, вы со мной можете?

Василий Сергеевич сказал: могу.

И выпил.

– А со мной? – включился в начатую Константином игру Виктор.

– И с вами могу! Хоть вы мне и нагубили!

– Забудем обиды! Давайте чокнемся!

После того как Романов выпил с Виктором и уже собрался пить с Константином на брудершафт, бабушка потребовала у племянников немедленно прекратить пьянку. Заметив Виктору, что они не на свадьбе, где полагается пить самим и спаивать других, строго спросила Константина: по какому поводу тот развеселился.

– Да так, – хитро засмеялся Константин. – Удачный день.

– Опять чего-нибудь прикупил?

– Нет, только собираюсь.

– Что на этот раз?

Константин замялся. Бросив застенчивый взгляд на бабушку, сказал что-то невнятное про вишневый сад.

– Сверх долга надавал девяносто, осталось за мной...

– Вишневый сад? – удивилась бабушка. – Зачем тебе сад? А он большой? Сколько соток?

Константин сказал, что официально сможет сообщить об этом только завтра, когда истечет срок договора с его нынешним владельцем. Затем, решив сменить тему разговора, встал. Потянулся, обвел взглядом комнату и с сожалением заметил, что дом, несмотря на все свое величие, требует капитального ремонта.

– Обои надо бы переклеить, – принялся перечислять он, – светильники поменять, полы кое-где перестелить... Ламинат – это, господа, согласитесь, пошло!

Попросив у Анечки носовой платок, Виктор встал из-за стола. Извинился перед бабушкой и, не поднимая глаз, торопливо вышел в коридор, где рядом с кабинетом дяди Толи находился туалет.

Проводив племянника обеспокоенным взглядом, бабушка спросила: что с ним?

– Икрой отравился, – коротко ответила Анечка.

Горестно покачав головой, бабушка перевела укоризненный взгляд на Константина, словно это он был виноват в том, что у ее любимчика возникли проблемы с кишечником, и спросила, все ли наелись.

Наелись все.

Поблагодарив бабушку за вкусный обед, Максим Валерьянович вышел из-за стола. С довольным видом похлопал себя по животу и сказал, что теперь, пожалуй, не грех посмотреть по телевизору последние новости.

– Какие новости?! – засмеялся Константин. – Вы же через пять минут уснете!

– Кто уснет? Я?

– Ну конечно!

– Что за чушь! – обиделся Рыльский. – Я днем никогда не сплю.

– Да как это не спишь! – вступила в разговор бабушка. – Иной день по десять раз за передачу засыпаешь... Костя правильно говорит.

Максим Валерьянович покосился на нее, однако, судя по недовольному виду, остался при своем мнении. Молча перебрался поближе к телевизору. Сел в кресло и, после того как женщины ушли на кухню мыть посуду, попросил меня включить четвертый канал.

Через минуту в зале появился Виктор. Вытирая платочком мокрые руки, прошел мимо стола, за которым Константин с поверенным, пользуясь отсутствием бабушки, снова пили коньяк, и сел рядом с Рыльским. На приглашение Константина присоединиться, полечить понос алкоголем, ответил, что лечиться он будет тем, чем считает нужным, и тогда, когда решит сам.

– Ну и зря! – захохотал Константин. – А впрочем, каждый волен поступать так, как хочет. Вот мы с Василием Сергеевичем захотели продезинфицироваться «Мартелем», чтобы не заразиться от тебя диареей, – значит, продезинфицируемся. Захотели потолковать о завещаниях – обязательно потолкуем!.. Правильно я говорю?

Романов, к кому была обращена последняя реплика, судя по той резвости, с какой опорожнял рюмки, с необходимостью дезинфекции «Мартелем» был согласен. А вот против всего остального по-прежнему возражал, чем, как мне показалось, только раззадорил Константина.

Услышав бабушкин голос, Константин одной рукой схватил Романова за локоть, другой схватился за горлышко бутылки и потащил всё это в кабинет дяди Толи. Так что когда бабушка вошла в зал, ни Романова, ни коньяка, ни ее племянника там уже не было.

Вздыхнув: «Ну что с ним, негодником, делать!», бабушка уселась перед телевизором и попросила Анечку прибавить звук.

На НТВ начались трехчасовые новости. Вместе с бабушкой, Рыльским, Виктором и Анечкой я сидел перед телевизором, смотрел, как на экране одна катастрофа сменяет другую, как за сюжетом о пожаре следует сюжет о землетрясении, и думал о послании дяди Толи. Необычное оно, как начало июня, странное. Нет в нем ничего, что предсказывалось заранее, и есть то, что предсказать было практически невозможно. Но больше всего меня удивила манера обращения к автору анонимного послания. Дядя Толя предложил ему назвать имя убийцы дочери так, словно нисколько не сомневался в том, что тот в течение трех дней успеет не только ознакомиться с его предложением, но и выполнить выдвинутые условия. Сразу напрашивался риторический вопрос: означает ли это, что тот, к кому обращался дядя Толя, находился среди нас? И если он находился среди нас, то я вряд ли ошибусь, если предположу, что главное событие, ради которого собрал нас дядя Толя, еще впереди. Аноним знает, кто убийца, и в любой момент готов назвать его имя. Убийца не знает, кто аноним, но предупрежден о грозящей ему опасности. А, как однажды сказала бабушка, кто предупрежден, тот вооружен.

Не прошло и десяти минут с начала передачи, как мне надоело гадать о том, кто убийца. За исключением бабушки и Анечки, каждый из нас, если вдуматься, мог оказаться им.

Кстати, об Анечке. Я давно заметил: стоит мне мысленно произнести ее имя, на секунду представить ее лицо, как я тут же начинал слышать аромат ее духов, ощущать исходящее от нее тепло и жалеть о том, что не настолько богат, чтобы жениться на ней. Она была очаровательна! Скорее полненькая, чем худенькая, невысокая, одетая в ослепительно-белую майку, подчеркивающую аппетитные формы, и короткие, туго обтягивающие бедра мягкие джинсы, она, казалось мне, была создана исключительно для того, чтобы лелеять и холить, одевать и...

Анечка шумно поднялась с кресла. Выгнула спинку и, ожидая, когда муж обратит на нее внимание, вопросительно посмотрела на него.

Виктор покосился в сторону коридора, где находился туалет, и отрицательно покачал головой.

– Ну как знаешь. А я пойду наверх, полежу. – Анечка сладко потянулась, оголив полоску кожи между майкой и выглянувшим из-за пояса краешком белых трусиков и не спеша направилась к лестнице.

По телевизору показывали очередное наводнение в Сибири. Какая-то река разрушила дамбу, после чего вышла из берегов и затопила маленький городок, что, по мнению московского корреспондента, говорило то ли о халатности местных властей, то ли о беспомощности правительства России, то ли обо всем сразу.

После ухода Анечки стало совсем скучно. Казалось, будто кресло, в котором она только что сидела, заняла старуха-хандра. Посмотрела на меня: кто тут самый грустный, не ты ли? – и, распустив длинные космы, навалилась тяжелой грудью, подобно тому как река на экране телевизора навалилась на ставший в одночасье беззащитным небольшой сибирский городок.

В общем, делать здесь мне стало решительно нечего. Я поднялся с кресла и, стараясь не потревожить задремавшего Максима Валерьяновича, направился к лестнице.

* * *

Когда я услышал доносящиеся снизу крики, стрелки на часах показывали без пяти минут пять. Я спустился в зал, и первым, кого увидел, был Рыльский. Беззвучно шевеля губами, он с растерянным видом стоял возле лестницы и смотрел на громко рыдающую Анечку.

Я спросил, что случилось.

Кивнув в сторону коридора, где находился кабинет дяди Толи, Рыльский предложил сходить посмотреть самому.

Я решил воспользоваться его советом. Несмотря на бабушкино требование оставаться при ней, прошел в коридор и открыл дверь кабинета...

Не скажу, что увиденное потрясло меня, скорее удивило. И расстроило.

На одном конце письменного стола, уронив голову на руку, рядом с которой лежал окровавленный нож, сладко сопел Романов, на другом – в неподвижной позе сидел Константин Худобин. Голова Константина была откинута назад, на спинку кресла, горло и грудь – залиты кровью.

Пока я осматривал кабинет, силясь понять, что тут произошло, подошла бабушка. Коснулась моего плеча рукой и тихо спросила, как я.

Я ответил: нормально.

– Правда, нормально? Не обманываешь?

– Правда. Со мной все хорошо.

Мне и вправду было настолько хорошо, что самому стало противно.

«Ведь это же человек!» – воззвал я к своей жалости.

Жалость спала.

«Родственник!»

«Дальний родственник, – сквозь сон поправила она. – Почти что дикий предок... Наплюй, не желей».

А я и не жалел. Мне вспомнился другой случай... Как-то под моими окнами, на крыше стоящей рядом пятиэтажки, ворона убивала голубя. Голубь вертелся перед ней на одном крыле, а она то искоса поглядывала на него, то, подобно повару, вилок пробующего отбивную на сковороде, тыкала в голубиный клубок клювом, отчего тот начинал вертеться быстрее, то отходила и как ни в чем не бывало чистила перышки. Секунд через двадцать еще раз оглядывала голубя, еще раз делала шаг навстречу, еще раз била клювом в облюбованное место... Так продолжалось несколько минут. Не выдержав издевательств над голубем, я отошел от окна. Стараясь выкинуть эту картину из памяти, задернул занавеску и стал думать о чем-то другом, приятном. Однако не тут-то было! Ворона в образе повара, пробующего вилок отбивную, бередя душу, стояла перед глазами весь день, всю неделю, весь месяц...

Мне стало стыдно. За все сразу. За то, что я не такой, как все. За то, что голубя жалел, как близкого человека, а человека, пусть даже совсем не близкого, жалел примерно как ту бабочку, что сегодня утром разбилась о лобовое стекло моей «копейки».

Я отвернулся, чтобы покойник, чего доброго, не увидел моего лица: черствого, как мне самому казалось, равнодушного и жестокого. Сложил руки на груди, а потом, немного подумав, пришел к выводу, что во всем виновата текущая во мне худобинская кровь. А раз так, подумал я, значит, тысячу раз права была бабушка, когда однажды, за что-то обидевшись на меня, сказала в сердцах:

«Твоя настоящая фамилия, Игорь, – Худобин-на-Четверть!»

* * *

Романов проснулся, а точнее, его разбудили, когда приехала милиция. Прокурор района – важный мужчина с маленькими усами и густой шевелюрой, в середине которой просвечивала небольшая круглая лысина, оглядел место преступления и молча вышел из кабинета. Не обращая внимания на притихших при его появлении людей, он в сопровождении Виктора и следователя – симпатичной девушки лет двадцати пяти – не спеша поднялся по лестнице на третий этаж и принялся с интересом осматривать дом. Увидев какую-нибудь дорогую безделушку, вроде отделанного малахитом камина, останавливался, восхищенно качал головой и громко цокал языком.

Из всей следственно-оперативной группы, как мне показалось, непосредственно делом занимались несколько человек: милиционеры во главе с оперуполномоченным уголовного розыска капитаном Коноваловым Борисом Сергеевичем – здоровым мужиком лет сорока, судмедэксперт, к которому при мне никто ни разу не обратился по имени, и эксперт-криминалист Семеныч – пожилой мужчина со строгим и серьезным лицом.

Пока Семеныч снимал отпечатки пальцев, а судмедэксперт обследовал рану на горле убитого, Коновалов приводил в чувство Романова.

– Говори! – кричал на него. – Ты убил Худобина?

Романов ошалелыми глазами смотрел то на Константина, то на оперативника и отвечал, что не понимает, о чем идет речь.

– Это ты убил! Напился до потери сознания, потом разругался со своим собутыльником и в состоянии аффекта прирезал его. Пиши чистосердечное признание. Суд учтет.

Романов взял протянутый чистый лист бумаги, ручку и после длительного раздумья спросил, что писать.

– Пиши, как все было!

– А как все было?

– Я тебе расскажу как! – с готовностью ответил Коновалов. – Ты, главное, пиши, родной, пиши!

Романов подвинул листок к себе поближе. Задумчиво потрогал ногтем кончик стержня и, пытаясь отыскать в памяти подтверждения продиктованным словам, вывел на бумаге:

«Я, Романов Василий Сергеевич, выпил с Худобиным Константином Петровичем две бутылки французского коньяка марки “Мартель”. Мы поссорились. Я взял нож и ударил его в горло».

– Так где ты, говоришь, взял нож? – спросил Коновалов.

Романов медленно поднял голову.

– Не знаю... А вы уверены, что я его брал?

По тому, как был задан вопрос: равнодушно, без малейшей надежды на благоприятный ответ, – стало ясно: Романов не помнит, как убивал Константина.

– Еще как уверен!

Не успел Коновалов объяснить, чем вызвана эта уверенность, как в кабинет, громко стуча высокими каблуками, вошла следователь. Всем своим видом показывая, что у нее нет времени на то, чтобы вникать в детали, она спросила, кивнув в сторону Романова:

– Как дела?

– Колемя потихоньку, – ответил капитан. – Свидетелей опросили. Допишем покаянную и будем закругляться.

– У вас что? – следователь повернулась лицом к судмедэксперту.

Судмедэксперт отошел от тела убитого. Вынул из кармана платочек и сказал, что смерть, по всей видимости, наступила где-то около четырех часов дня от удара ножом в горло.

– Судя по характеру раны, удар был нанесен спереди правой рукой сверху вниз.

– Что с отпечатками?

Не отрывая глаз от ножа, которым было совершено убийство, Семеныч сказал, что отпечатков много, но на бутылках с коньяком и бокалах, из которых его пили, их нет.

– То есть как это нет? – удивился Коновалов.

– Так вот. Чисто.

– А на ноже?

– На рукоятке какие-то пальчики есть. Сейчас сниму.

Следователь пожала плечами, мол, разбирайтесь тут без меня, попрощалась и, посоветовав капитану не затягивать дело, вышла из кабинета.

Коновалов задумчиво посмотрел ей вслед, после чего спросил Романова, закончил ли он писать. Не получив вразумительного ответа, взял со стола листок, пробежал его глазами и велел расписаться.

Протяжно вздохнув, Романов медленно вывел свою фамилию. Рядом поставил дату и приписал: «P.S. Я очень сожалею о случившемся».

– Ну вот! – довольно хмыкнул Коновалов. – Все бы так.

Действительно, подумал я, если бы все убийцы сами признавались в совершенных ими преступлениях, сами выносили себе суровые приговоры и сами честно отсиживали положенные сроки в построенных ими тюрьмах, было бы замечательно. Другой вопрос, чем бы тогда занимался Коновалов.

Я посмотрел на него и решил, что он, вероятнее всего, стал бы преступником. Его внешность: скуластое лицо, колючие глаза, развязность, вызванная уверенностью в собственной силе и силе тех, кто стоит за ним, готовность скрутить в бараний рог любого, кто встанет на пути, – в моем понимании одинаково подходила под обобщенный портрет как бандита, так и борющегося с бандитами рядового опера.

«Интересно, что заставило мальчика Борю Коновалова, стоявшего перед выбором “с кого делать жизнь свою”, выбрать ту, а не другую стезю?.. Случай? Судьба?»

Не успел я над этим подумать, как Романов тихо, словно стесняясь своего голоса, спросил, действительно ли он держал нож в руках, или в этом, как он выразился, «есть некая доля преувеличения».

Бедный Романов! Его вопрос был настолько пустым и глупым, а желание выиграть время настолько бесхитростным и наивным, что всем собравшимся в кабинете стало даже как-то неловко за него.

– Какое преувеличение! – усмехнулся Коновалов. – О чем ты? Пять свидетелей готовы подтвердить, если хочешь.

Романов часто заморгал, видимо, пытаясь вспомнить, как он с ножом в руках встречал милицию.

– У меня просто в голове не укладывается, – пробормотал он. – Как я мог?

Коновалов пожал плечами, дескать, с пьяными не такое случается, и бросил взгляд на часы. Судя по проявленному им терпению, время для разговоров у него еще не вышло.

– Ну хорошо.

Повернувшись в мою сторону, он сказал, чтобы я перестал греть уши, а подошел и показал, в какой позе Романов лежал на столе.

Я вошел в кабинет. Попросив поверенного освободить место, сел на стул. Левую руку положил на стол, голову – на руку, правую опустил между широко расставленными ногами.

– Вот так, – сказал я. – А ножик лежал на столе в пяти сантиметрах от ладони.

Поблагодарив за помощь, Коновалов забрал со стола листок с признанием. Спросил, есть ли еще вопросы. Вопросов не было. Тогда он похлопал Романова по спине и предложил собирать вещички.

Романов стал прощаться. Попросив у меня прощения за то, что стал невольным виновником несчастья, случившегося с моим дядей, он еще раз протяжно вздохнул и, опустив плечи, поплелся к двери. На ходу обернулся и, еще раз посмотрев на то, как я сижу, внезапно остановился.

– Что-то не так? – спросил я.

Романов вернулся к столу. Подумал три секунды и, ткнув пальцем в мою ладонь, сказал, что, поскольку убийство было совершено правой рукой, а нож, как видно из моей позы, лежал рядом с левой, убийцей был кто-то другой.

– Кто другой? – возмутился Коновалов. – Пушкин? Ты мне тут дурачка из себя не строй! Понял? Это ты убил Худобина! Ударил правой рукой, потом переложил нож в левую, и всё! В чем проблема?

А проблема, как оказалось, заключалась в следующем. По словам эксперта-криминалиста Семёныча, на рукоятке ножа не было ни одного отпечатка правой руки, что в моем понимании могло означать только одно: либо Константина убили другим ножом, либо Романов не был убийцей. Что касается ножа, то тут сомнений не возникло даже у милиционеров: кровь на лезвии безошибочно указывала на то, каким орудием было совершено преступление. А вот что касается Романова... Конечно, можно предположить, что, выпив бутылку коньяка, он хладнокровно зарезал человека правой рукой, потом аккуратно вытер нож, взял рукоятку в левую руку и тут же уснул. Но куда вероятней, на мой взгляд, выглядит другая версия. Кто-то вошел в кабинет дяди Толи, убил Константина, стер свои отпечатки пальцев правой руки с рукоятки ножа и вложил его в ладонь спящего Романова, не подумав или второпях не заметив, что ладонь левая.

Судя по тому, с какой злостью Коновалов посмотрел на Семёныча, мои предположения оказались верными.

– Поверьте! Я и вправду не убивал, – почувствовав перелом в настроении оперативника, воскликнул Романов. – Ведь я даже не присутствовал на дне рождения Виолетты!

– Какой еще Виолетты? – повернулся к нему капитан.

– Виолетты Анатольевны, покойной дочери хозяина дома Анатолия Николаевича Худобина! Ее тоже убили.

Заговорив о семье Худобиных, Романов рассказал об анонимке, полученной дядей Толей за несколько дней до своей смерти, но, к сожалению, теперь уже утерянной, и о его посмертном послании наследникам. Выразив уверенность в том, что убийство Константина напрямую связано с событиями, произошедшими здесь, в Мыскино, четырнадцатого февраля, в день тридцатилетия Виолетты, он заключил, что, во-первых, Виолетту убил кто-то из ее родственников, бывших на дне рождения, во-вторых, анонимку написал тоже кто-то из родственников и, в-третьих, после оглашения завещания сложилась такая ситуация, что у убийцы Виолетты не осталось другого выхода, как найти анонима раньше, чем тот выдаст его.

– То есть ты хочешь сказать, что анонимку написал Константин Худобин? – перебил Коновалов.

Романов сказал, что говорить об этом преждевременно – нужны доказательства.

– Понятно. Кто именно присутствовал на дне рождения?

Вопрос, как я понял, был обращен ко мне.

– Кроме Виолетты и дяди Толи, – принялся перечислять я, – там были: Виктор – сын дяди Толи, Анечка – жена Виктора, Константин – двоюродный брат Виктора, Максим Валерьянович Рыльский – шурином дяди Толи, моя бабушка Екатерина Николаевна Курочкина – родная сестра дяди Толи – и работник Михаил.

О себе я решил не упоминать: и так понятно, что без моего участия там не обошлось.

– То есть те же, кто сегодня утром присутствовали при прочтении обращения Анатолия Николаевича к наследникам, – торопливо добавил Романов.

Коновалов согласно кивнул. Попросив подтвердить, что все перечисленные мной люди являются родственниками, повернулся лицом к Романову и спросил, кем он приходится убитому.

– Никем, – ответил Романов. – Я не родственник. Я исполнитель завещания Худобина-старшего – моего старого знакомого. По его просьбе я пришел, чтобы зачитать наследникам последнюю волю и проследить за ее выполнением.

– Ты нотариус?

– Нет. Душеприказчик, или, другими словами, личный поверенный в делах о наследстве.

– У тебя и документ соответствующий имеется?

– Конечно! – Вынув из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист, Романов протянул оперативнику. – Нотариально заверенное заявление Анатолия Николаевича с указанием моих полномочий.

Молча прочитав заявление, Коновалов, вернул его обратно. Подошел к окну и задумчиво посмотрел на одинокую елку, растущую посреди чистого газона.

– Я хочу ознакомиться с содержанием завещаний, – сказал он.

Романов развел руками, дескать, рад бы помочь родной милиции, да не могу. И добавил: согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, он не вправе разглашать сведения, касающиеся содержания завещаний.

– Не понял! – Медленно, словно не веря собственным ушам, Коновалов обернулся. – Ты мне что, отказываешь?

Поверенный виновато вздохнул и еще раз огорченно развел руками: увы.

– Ну и ну! – оперативник удивленно покачал головой. – Ты, я смотрю, считаешь себя очень умным, да?

Романов молчал.

– Законы цитируешь, права качаешь. Может, ты еще и адвоката себе потребуешь?

– Зачем адвоката? – почувствовав неладное, еле слышно произнес поверенный. – Не надо мне никакого адвоката.

– Молчать! – Коновалов что есть силы ударил кулаком по подоконнику.

Все, кто находился в кабинете, вздрогнули.

– Говорить будешь, когда прикажу!

Плотно сжав губы и сузив зрачки, Коновалов зло посмотрел на поверенного, не последуют ли возражения, и, как змея перед броском, громко зашипел:

– Ты что, и вправду думаешь, будто самый умный? А ты знаешь, что не далее как сегодня утром один такой вот, вроде тебя, битый час ползал у меня в ногах, умолял считать себя придурком. Прощения просил за то, что нечаянно таблицу умножения вспомнил... Чего молчишь? Думаешь: шучу?

Не знаю, как остальные, а я капитану поверил сразу. И Романов поверил сразу. Поэтому, как только представилась возможность выполнить требование капитана, он выскочил из кабинета и через секунду принес портфель. Протянул Коновалову конверты с завещаниями и предложил ознакомиться с ними лично. Коновалов взял их, подержал на весу с таким видом, будто решал, что делать дальше: то ли швырнуть в ненавистную рожу того, кто считает себя самым умным, то ли смириться и прочесть. Решив смириться, он подошел к окну, отвернулся и вскрыл первое завещание.

В эту минуту в кабинет вошли два санитара. Спросив разрешения забрать труп, погрузили его на носилки и вынесли.

Семеныч захлопнул кейс. Зевнул и коротко, в двух словах, доложил капитану об окончании работы.

Не отрывая от листков взгляда, Коновалов махнул рукой, чтобы не мешали.

Дочитав до конца, поднял голову и спросил Романова, когда состоится оглашение завещания.

– Если аноним не объявит себя, через три дня, в понедельник, – ответил тот.

Коновалов отошел от окна и, немного подумав, сказал, что останется в Мыскино.

– А вы, – обращаясь к Семенычу, добавил он, – через три дня, в понедельник, пришлите за мной машину.

– Как знаешь.

Семеныч, а за ним и судмедэксперт пожали капитану ладонь и, пожелав удачи, вышли из кабинета.

* * *

С отъездом следственно-оперативной группы в доме стало тихо. Так, словно находящиеся в нем люди только сейчас осознали, какое несчастье случилось в их семье. Ходили на цыпочках, разговаривали между собой короткими фразами, ругались полупшепотом. И если кто-то случайно заглядывал собеседнику в лицо, то видел, к своему стыду и стыду тех, с кем беседовал, не жалость к внезапно умершему родственнику, а растерянность вперемешку со страхом. Даже Анечка, необыкновенно трогательная в своей скорби, плакала, на мой взгляд, исключительно по причине того, что ей, еще не хоронившей родных и близких, впервые в жизни пришлось столкнуться со смертью. И не брата мужа жалела она – себя.

«Все мы Худобины, – вздохнул я. – И Анечка, к сожалению, уже тоже».

Капитан Борис Сергеевич Коновалов – оперуполномоченный уголовного розыска – в сопровождении Романова вышел из коридора. Прошел на середину зала и, подняв указательный палец, попросил минутку внимания.

– В общем, так, – сказал он. – Как вы знаете, Константин Петрович Худобин, ваш родственник, погиб от рук убийцы. Кто этот убийца, нам пока неизвестно...

– Как это неизвестно? – перебил его вальяжно развалившийся в кресле Виктор. – А Романов?

– Так, кто это сказал? – Плотно сжав губы и сузив зрачки, Коновалов резко повернулся в его сторону. – Как фамилия?

– Худобин.

– Имя?

– Виктор Анатольевич.

– Где вы были в период с трех до пяти часов дня?

– Я...

– Отвечать быстро! Я спросил: где?

Виктор пожал плечами.

– Здесь был, – произнес он неуверенным голосом. – Сначала до трех часов мы обедали, потом смотрели телевизор. А в кабинет я вообще не входил.

– Кто подтвердит?

«Умеет все-таки наша милиция работать с населением, – с удовольствием подумал я. – Смотреть приятно: не прошло пяти секунд с начала разговора, а Виктор, судя по жалкому виду, уже ни в чем не уверен, и особенно в том, что никого не убивал».

– Я еще раз спрашиваю: кто подтвердит? – повысил голос Коновалов.

– Я подтверждаю! – подняла ладошку бабушка. – Мы все сидели здесь, в этом зале. Я, Виктор и еще Максим... И Аня с Игорем тоже были с нами.

– Да, – согласно кивнул Максим Валерьянович. – Это так.

Подобно добросовестному дружиннику, разглядывающему стенд «Их разыскивает милиция», Коновалов внимательно посмотрел на Рыльского. Встретившись с ним взглядом, поежился.

– Если не ошибаюсь, – сбавив тон, обратился он к бабушке, – единственный вход в кабинет, где произошло убийство, ведет из этого зала, где вы, по вашим словам, находились с трех до пяти часов дня.

– Да. Одно замечание. Мы находились здесь не с трех до пяти, как вы только что выразились, а с одиннадцати до нынешней минуты.

– То есть вы утверждаете, что никто в интересующее нас время в кабинет не входил?

Бабушка отрицательно покачала головой: кроме Анечки, первой обнаружившей тело Константина, никто.

– Это так? – Коновалов обратился с вопросом к Рыльскому.

– Да, – ответил тот. – Я все помню. Сначала мы смотрели трехчасовые новости по НТВ, потом передачу про Кремль... И никого не было!

– Вы что скажете? – Вопрос к Виктору.

Почувствовав, что все идет к тому, что поверенного опять признают виновным, Виктор осмелел. Намекнув на то, что убийцей Константина мог быть только тот, кто все время находился рядом с ним, он, стараясь выразиться как можно деликатнее, дабы опять не обидеть капитана, заметил, что самые запутанные загадки, как правило, имеют самый простой ответ.

– Никого, кроме господина Романова, – добавил он, – в период с трех до пяти часов, в кабинете не было... Да!

Коновалов не обиделся. Достав из внутреннего кармана пиджака кармана блокнот с ручкой, он что-то чиркнул в него. Сказал, что в число подозреваемых входит не только Романов, но и те, кто в момент убийства находился в доме.

– Послушайте! – воскликнула бабушка. – А может, убийца проник через окно? Вы не думали об этом?

– Исключено. Окно закрыто изнутри.

– Ну, тогда не знаю! Прямо чудеса какие-то!

Коновалов согласно кивнул. перевел взгляд на Виктора и заявил, что сделает все возможное, чтобы кудесник, на глазах родни совершивший это чудо, получил не менее десяти лет.

– Итак, – добавил он после небольшой паузы, – я хочу знать, где и в каком месте каждый из вас находился в период с пятнадцати до семнадцати часов дня.

Бабушка первой сказала, что все время сидела перед телевизором. Максим Валерьянович подтвердил это и добавил, что он, как и Екатерина Николаевна, с трех до пяти смотрел НТВ.

Виктор повторил сказанное Рыльским.

Коновалов записал все это в блокнот и обратился ко мне:

– Твоя очередь!

Моя так моя. Я сказал, что в пятнадцать часов пятнадцать минут поднялся на второй этаж и вниз спустился только после того, как запричитала Худобина. Если точнее, то в шестнадцать пятьдесят пять.

– Вы! – Коновалов обратился к Анечке.

– Я? – Анечка, как мне показалось, испугалась. – Я, как только начались новости, пошла отдыхать к себе в комнату.

– Долго отдыхали?

– Нет. Около пяти я спустилась вниз и зашла в кабинет.

– И увидели труп?

– Да.

– Зачем вы зашли в кабинет? Что вы там искали?

Не зная, что сказать, Анечка вопросительно посмотрела на Виктора и густо покраснела. В отличие от остальных Худобиных, лгать она, похоже, еще не научилась.

«Это плохо, – подумал я. – Могут застукать».

– Я... я искала мужа.

Не знаю, для кого как, а для меня ответ Анечки прозвучал как гром среди ясного неба. В том, что Виктор способен убить, и не только Константина, я никогда не сомневался. Дай ему волю, за пару лет население города он бы сократил как минимум на четверть. Но вот то, что он солгал по мелочи и попался, меня, признаться, немало удивило.

– То есть вы хотите сказать, что его в зале не было? – вместе со мной удивился Коновалов. Еще раз виновато посмотрев на мужа, Анечка отрицательно покачала головой.

– Послушайте! – Виктор встал с кресла. – Я действительно буквально на несколько минут отлучился. В туалет. Надеюсь, все сидящие здесь подтвердят, что меня весь день мучила диарея?

Все сидящие, в лице одной бабушки, охотно подтвердили это.

– Ну вот! – развел руками Виктор. – Всего-то пару раз вышел, а разговоров...

– Однако вы сказали, что не выходили из зала вообще, – заметил капитан.

– Я сказал, что вообще не заходил в кабинет! А это, согласитесь, не одно и то же!

– Хорошо! В какое время вы были в туалете?

– Не помню. Где-то около пяти.

– Как долго?

– Ну, не знаю... Минут десять, может, пятнадцать.

– В кабинет заглядывали?

– Я же говорил: нет!

– Жаль! – Коновалов внес в блокнот очередную запись. – Ну хорошо! – произнес он быстрым голосом. – Давайте посмотрим, что у нас получается... Константин Худобин с Василием Романовым сразу после обеда, около трех часов, прошли в кабинет, попасть в который можно только из зала, где Екатерина Николаевна, Рыльский, Виктор Худобин, Анна Худобина и Игорь Курочкин смотрели телевизор. В три пятнадцать Курочкин пошел отдыхать... А когда пошли отдыхать вы? – обратился он с вопросом к Анечке.

Анечка ответила, что, когда она уходила, все, включая меня, сидели перед телевизором и смотрели новости.

Значит, сделал вывод капитан, где-то между тремя часами и тремя часами пятнадцатью минутами пополудни.

– Обратно вы спустились около пяти, – продолжал Коновалов. – Не найдя мужа, который, по его словам, находился в туалете, вы зашли в кабинет, где обнаружили труп Константина Худобина... Что делал Романов?

Анечка ответила: спал на столе.

– Потом вы закричали, и все сбежались в кабинет... Так?

– Нет, – возразила бабушка. – Она заплакала, когда вышла из кабинета. Уже в зале.

– Понятно. – Коновалов снова что-то чиркнул себе в блокнот. – Это всё?

– Вроде все. – Бабушка переглянулась с Рыльским. – Да! – вспомнила она. – Когда начался прогноз погоды, где-то в половине четвертого, из кабинета вышел Константин. Он попросил выпивку с закуской.

– Что дальше?

– Виктор сходил на кухню и принес, что просили.

– А нож он принес?

– Да. И нож тоже.

– Кто-нибудь еще в кабинет входил после этого?

– Нет.

Коновалов покачал головой.

– В три тридцать, – сказал он назидательным тоном, – Константин Худобин был еще жив, а без пяти минут пять уже мертв. Не кажется ли вам, что это довольно странно, если учесть, что никто, по вашим словам, в это время в кабинет не заглядывал?

Виктор встал и открыл рот. Он, видимо, хотел спросить Коновалова, почему тот по-прежнему отказывается признавать Романова убийцей, если ему понятно, что никто, кроме него, убийцей быть не мог. Но не решился – струсил. Немного постоял, помолчал, закрыл рот и сел на место.

– И вот еще что, – добавил Коновалов. – Я не знаю, что здесь произошло на самом деле и кто из вас врет мне в лицо, но одно я знаю абсолютно точно. Если окажется, что убийство

Константина Худобина как-то связано со смертью Виолетты Худобиной, то тот, кто сейчас покрывает убийцу, играет с огнем. Человеку, дважды совершившему преступление, ничего не стоит совершить его в третий раз. Запомните это!

Не знаю, как остальные, а я расценил эти слова как угрозу: убийца может или, хуже того, должен убить снова.

Первым на предупреждение оперативника отреагировал Романов. Чтобы привлечь к себе внимание, он шумно заворочался на диване. Потом поднял руку и, предварительно извинившись, сказал, что, нисколько не желая обидеть Максима Валерьяновича, человека, как он выразился, несомненно, порядочного, тем не менее должен обратить внимание следствия на его привычку дремать перед телевизором.

– То есть ты хочешь сказать, – сразу оживился Коновалов, – что Рыльский мог проспять убийцу. Так?

Несмотря на громкие протесты Максима Валерьяновича, Романов, а потом и я подтвердили это опасение, чем несказанно обрадовали капитана.

– Это уже кое-что! Ну а вы, – обратился он к бабушке, – случайно, не выходили из зала? А? На минутку?

Словно задавшись целью в точности повторить движение Романова, бабушка заворочалась в кресле. Бросила недовольный взгляд на оперативника и пробурчала что-то по поводу холодного дома и шали, которая лежала в нашей комнате.

– И долго вы там были, в вашей комнате?

– Не знаю... Поднялась, поправила постель на Игорева кровати, взяла шаль и спустилась. Минут десять, наверное.

– Замечательно! – Коновалов оживился еще больше. – Я так понимаю, что вы выходили из зала в то время, когда Рыльский спал, а Худобин был в туалете. Я прав?

– Не помню!

Бабушка отвернулась. Всем своим видом показывая, что более не намерена продолжать беседу, сложила руки на коленях и уставилась в окно.

– Ну что же, спасибо и на этом!

Коновалов довольно потер ладони. Потом сказал, что в связи с вновь открывшимися обстоятельствами вынужден сообщить нам пренеприятное известие: ни у кого из нас, как он и предполагал с самого начала, алиби нет.

– Поэтому давайте продолжим наш разговор с начала. Итак... Константин Худобин вместе с Романовым около трех часов дня уединились в кабинете, попасть в который, повторюсь, можно только из зала, где Екатерина Николаевна, Рыльский, Виктор Худобин с женой и Игорь Курочкин смотрели телевизор. Дальше... Между тремя и тремя пятнадцатью Анна Худобина отправилась отдыхать в свою спальню. Следом за ней в три пятнадцать ушел Курочкин. Примерно в три тридцать Константин Худобин вышел в зал, взял коньяк, закуску, нож, которым его впоследствии убили, и вернулся обратно в кабинет. После того, как Рыльский уснул, Екатерина Николаевна поднялась к себе в комнату. Около пяти часов Анна спустилась в зал и, не найдя мужа, зашла в кабинет, где первой обнаружила труп Константина Худобина... Я ничего не напутал? – обратился он с вопросом к Анечке.

Анечка в ответ всхлинула. Отрицательно замотала головой и, опустив голову, снова заплакала.

Не меняя положения тела, сидящий в кресле Виктор повернул к жене лицо и попросил успокоиться.

Жена согласно кивнула и заплакала громче.

– Вот что мы с вами сделаем, – не обращая внимания на Анечку, продолжил Коновалов. – Проведем следственный эксперимент. Завтра, начиная с пятнадцати часов, повторим с точностью до минуты все ваши сегодняшние действия. Кто где сидел, кто что делал, кто куда

ходил. И я уверяю вас, господа: после этого любое фальшивое алиби развалится аки карточный домик! Так что предлагаю, кому надо, оформить добровольное признание прямо сейчас – завтра будет поздно!

Последние два предложения Коновалов произнес с такой уверенностью, что я ему в очередной раз поверил: завтра мы обязательно узнаем имя убийцы.

На этом, возможно, события сегодняшнего дня и закончились бы, если бы не очередная выходка Виктора.

Не смирившись с тем, что человек, присутствовавший при убийстве брата и даже на время признавшийся в нем, о чем я в двух словах успел сообщить родственникам, находится вне подозрений, встал и попросил минутку внимания.

– Вы знаете, кто это? – спросил он, протянув руку в сторону Романова.

– Поверенный в делах вашего отца, – ответил Коновалов.

– А еще?

– Вахтер в общежитии, насколько мне известно.

– А еще?

– Не знаю! Говорите!

Виктор многозначительно улыбнулся. Выдержал театральную паузу и сказал, что, по словам его покойного брата Константина, человека, как известно, весьма информированного в делах, касающихся негативных сторон жизни города, Романов тесно связан с местной мафией.

– Сам Романов, конечно, с кистенем по ночам не ходит, – добавил он, – возраст не тот, но вот научиться у своих дружков обращению с ножом, на мой взгляд, очень даже мог!

Коновалов усмехнулся, видимо, представив, как поверенный в свободное от вахты время тренирует перекрестные удары ножом, и спросил у него, так ли это.

– Нет, не так, – ответил Романов. – Я действительно пару раз встречался с руководством самсоновских и белогорских группировок, но, уверяю вас, при встречах мы говорили исключительно о взаимоотношении этих группировок, об их внутренних проблемах, а вовсе не о том, как обращаться с холодным оружием.

В зале воцарилась тишина. Не стесняясь, все уставились на Романова с таким видом, будто хотели разглядеть в нем то, чего не замечали раньше.

«Видимо, мы сошли с ума, если допустили, чтобы человек, помогающий бандитам решать их грязные дела, сидел с нами за одним столом», – было написано на лицах моих родственников.

Прошептав чуть слышно: «Чтоб я сдох!», Коновалов, перейдя на «вы», попросил Романова сказать, кто он.

– Третейский судья?

Романов ответил, что на самом деле он больше поэт, чем вахтер, и уж, конечно, никому не судья.

– Ах, он еще и поэт! – засмеялся Виктор. – К штыку приравнял перо и проткнул им горло Константина! Понимаю.

Вот так у нас всегда! Когда нечего сказать – надо осмеять, когда не над чем смеяться – опозлить и насмешкой заткнуть собеседнику рот! Это по-нашему, по-худобински!.. Я посмотрел Виктору в глаза и понял, что он – единственный человек на свете, которого я искренне ненавижу. За хамство, за всегдашнее высокомерие, за Анечку-птичку, очарованную блеском золотой клетки, за нескрываемое презрение к тем, кто не может позволить себе купить в магазине товар, предварительно не поинтересовавшись его ценой, за все то, чего у меня нет, а главное, за предательское желание иметь все это.

– Ты бы поэтов не трогал! – не выдержал я. – Они все-таки будут посильнее той девочки-восьмиклассницы! Могут и в пятак врезать!

– Заткнись! – рявкнул Виктор.

– Какой еще восьмиклассницы? – повернулся ко мне Коновалов.

– Той, которую он убил!

Виктор бросился на меня. Не успел я поднять руки, как получил удар в лицо...

Секунд через пять – десять я встал. Утерся и сказал, что ту девочку, вполне возможно, Виктор ударил таким же макаром.

Не давая разгореться драке, бабушка, Анечка, Рыльский налетели на Виктора. Обхватили с трех сторон и оттеснили в сторону.

Виктор отступил, но не сдался.

– Я еще вырву твой поганый язык! – крикнул он мне.

В ответ я пообещал свернуть ему шею.

Удивительно, но ненависть к Виктору тут же пропала. Я, видимо, был настолько уверен в том, что обязательно выполню свое обещание, что этих слов оказалось достаточно для того, чтобы удовлетворить жажду мести.

Потрогав пальцем губы, нет ли крови, облизал их и в сопровождении Рыльского вернулся на свое место.

Минутой позже Виктор силами двух женщин был препровожден в дальнее от меня кресло, откуда в течение всего вечера бросал в мою сторону яростные взгляды.

– Ну что, петушки, угомонились? – спросил Коновалов.

Я промолчал, а Виктор сказал, что угомонится только тогда, когда повстречает меня где-нибудь в темном переулке.

– Ну, раз угомонились, – пропустив угрозу мимо ушей, продолжил капитан, – тогда, может, расскажете мне, что это за девочка-восьмиклассница, которую убили?

– Да не слушайте вы его! – махнула рукой в мою сторону бабушка. – Все было не так, как он вам расскажет! Просто однажды, много лет назад, когда Виктор и Виолетта были маленькими, во время детской игры погибла одна девочка. Произошел самый настоящий несчастный случай! Ничьей вины там и в помине не было! Поверьте мне!

Коновалов согласно кивнул. Повернулся ко мне и, несмотря на бабушкины протесты, предложил высказать свою версию.

Моя версия звучала так. Виктор с Виолеттой решили заняться бальными танцами. Пришли на свое первое, оно же последнее занятие, по обыкновению повздорили с кем-то из занимавшихся там девочек, потом подкараулили ее после репетиции и завели в парк.

– В общем, не знаю, что там было дальше, врать не буду, но только потом эту девочку нашли с проломленной головой.

– Мы баловались, и она упала на висок! – воскликнул Виктор.

– Так звучит последняя, официальная версия, – согласился я. – А до этого, насколько мне известно, речь шла о непредумышленном убийстве. Это уже потом, после того как дядя Толя продал машину и занял денег у родни, стали говорить о несчастном случае. Дескать, детки Худобина здесь ни при чем, они хорошие – в папу.

– Да откуда ты это можешь знать? – вскочив на ноги, закричал Виктор. – Тебе тогда было шесть лет!

Я ответил ему спокойно, не повышая голоса, что, во-первых, мне было тогда не шесть лет, а семь, во-вторых, у меня всегда была отличная память и, в-третьих, мне об этом случае совсем недавно рассказала бабушка.

Виктор бросил на бабушку злой взгляд, отчего та сразу стала меньше, сплюнул и, не говоря ни слова, сел на место.

– Да-да-да, как же, помню, – глядя в пол, задумчиво закивал Максим Валерьянович. – Было дело... Анатолий занял у меня тогда тысячу рублей. Огромные, знаете ли, по тем временам деньги.

– И ты туда же! – развел руками Виктор.

Подняв голову, Рыльский удивленно посмотрел на него. Потом опомнился и сказал, что имел в виду совсем другое.

– Ты бы уж лучше помолчал! – посоветовала ему бабушка. – Тоже мне, вспоминальщик выискался! Ты бы лучше вспомнил, как кошкам кишки выпускал! Мясник!

Она повернулась к Коновалову и рассказала о том, что Максим – младший брат покойной жены дяди Толи – развлекался в детстве тем, что мучил всякую попавшуюся в его руки живность.

– То птичке крыло отломает, то кутенку лапку! А то порежет осколком стекла какому-нибудь малышу кожу и смотрит, как тот, бедненький, заливаётся слезами!

Не знаю, какая муха укусила бабушку и чего она добивалась, рассказывая Коновалову о садистских наклонностях Максима Валерьяновича, которые, как считалось, остались в далеком прошлом, но только Коновалов понял ее так, как и должен понять сотрудник убойного отдела, расследующий жестокое немотивированное убийство.

Не подходя близко к Максиму Валерьяновичу и стараясь не смотреть ему в лицо, спросил, как часто, на какую тему и когда в последний раз он общался с Константином Худобиным.

Максим Валерьянович в ответ обиженно нахмурился, отчего морщины на щеках стали глубже, а кожа блее, посмотрел на Коновалова так, словно хотел найти на его теле наиболее уязвимое место, и сказал, что с Константином, как и со всеми Худобиными, общался и общается крайне редко.

– И вообще, у меня не было причин убивать его, – добавил он. – У нас с ним не было никаких дел. Я не испытывал к нему ни любви, ни ненависти, в отличие, кстати, от Екатерины Николаевны, его родной тетки.

– А что Екатерина Николаевна? – живо заинтересовался Коновалов.

Выпрямившись в кресле, Рыльский с нескрываемым удовольствием рассказал всем известную историю о том, как однажды бабушка гонялась по квартире со скалкой за Константином и кричала, что задушит его собственными руками.

– И задушила б, если б поймала! – подтвердила бабушка. – Вы только послушайте, что он со мной учудил! Дал какой-то спекулянтке денег взаймы, а после того, как та его обманула, прибежал ко мне в слезах, сказал, что его якобы обворовала продавщица на толкучке! Назвал ее имя, Суслик, кажется, и попросил написать жалобу в ОБХСС! Каково, а?! Я приняла это за чистую монету, написала, как он велел, отослала куда надо, да потом еще показания ходила давать, дура!.. Скажите, разве можно так поступать с родной теткой?

Коновалов отрицательно покачал головой – нет, с родной теткой так поступать нельзя. Спросил только, как давно это было. Бабушка на секунду задумалась и ответила, что, если ей не изменяет память, это случилось одиннадцать лет назад.

Судя по тому, как поскучнело лицо Коновалова, стало ясно: одиннадцать лет – слишком большой срок для того, чтобы подозревать бабушку в убийстве.

– Но осадок-то остался! – не унимался Рыльский. – Ведь никто не станет отрицать того, что одного племянника, Виктора, она любила и продолжает любить, другого, Константина, – нет.

В этот момент Виктор, которому, по всей видимости, надоело слушать пустую болтовню Максима Валерьяновича, хлопнул по подлокотнику раскрытой пятерней.

– Ладно! – произнес он решительным тоном. – Честно говоря, не хотел никому рассказывать об этом случае, нехорошем, позорном для нашей семьи, ну да видно обойтись без этого уже нельзя.

Бросив на меня злой взгляд, он рассказал о том, как четырнадцатого февраля, в день тридцатилетия Виолетты, стал невольным свидетелем происшествия, которое теперь, в свете сегодняшних событий, выглядит совсем не так, как оно представлялось ему пять месяцев назад.

– Я ведь тогда думал, что на этом все закончится! А тут...

Вместо продолжения фразы Виктор огорченно махнул рукой. Собрался с мыслями и добавил, что собственными глазами видел, как я, пользуясь известной слабостью Виолетты к мужчинам и вину, а точнее, сначала к вину, потом к мужчинам, поздним вечером тискал ее в чулане.

– И именно в том чулане утром нашли сестру повешенной!

– Как! – ахнула бабушка. – Игорь был с Виолеттой? Со своей теткой!

Виктор в ответ демонстративно развел руками, дескать, смотрите сами, что это за человек, и, довольный произведенным эффектом, откинулся на спинку кресла.

Если бы можно было в эту секунду провалиться сквозь землю, я бы не преминул воспользоваться этой возможностью. Мне было стыдно. Но вместе с тем и обидно. Мало того что меня тогда почти что изнасиловали, так теперь еще и смотрят как на извращенца.

«А впрочем, – с огорчением вынужден был признать, – так оно, наверное, и есть. Только извращенец вроде меня способен заниматься сексом с немолодой пьяной женщиной в пыльном чулане».

Я поймал на себе взгляд Виктора – высокомерный, насмешливый, и во мне вновь закотала злость. Ну что за привычка у человека совать свой нос куда не следует!

Я повернулся к нему лицом и сказал, что, во-первых, еще неизвестно, кто кого тискал, во-вторых, моя личная жизнь никого не касается и, в-третьих, Виолетта мне такая же тетка, как он мне дядька.

В ответ на это Виктор снова демонстративно развел руками, как бы призывая собравшихся быть свидетелями учиненного мной безобразия, и пожал плечами:

– Ну что с него, придурочного, взять!

Только я подумал о том, что с меня много чего можно взять: показания, например, – как Коновалов тут же принялся на деле осуществлять мою мысль.

Его первый вопрос был о том, как разворачивались дальнейшие события в чулане.

– Никак! – ответил я. – Виолетта приказала принести вина, просить она не умела. Я ушел и обратно, естественно, не вернулся.

Второй вопрос:

– Почему?

Почему, почему... Не хотел, вот и не вернулся.

– Нарвался на бабушку и не вырвался, – солгал я, чтобы не обижать Виолетту, которая, кто знает, может, сидит сейчас где-нибудь на облаке и внимательно слушает, что я тут говорю.

И третий вопрос – бабушке:

– Это так?

Бабушка растерянно кивнула. И после небольшой заминки твердо сказала: да, так.

– У нас с Игорем одна комната на двоих. Так уж повелось. Весь вечер и всю ночь он был при мне.

– Скажите, – Рыльский обратился к Коновалову, – что вы имели в виду, когда говорили о том, что убийство Константина связано со смертью Виолетты? Вы считаете, что их убил один и тот же человек?

Занятый мыслями о событиях, произошедших четырнадцатого февраля в чулане, Коновалов задумчиво пожал плечами. Сказал, что, учитывая содержание анонимки, а также сам факт ее появления, это вполне возможно.

– Виктор видел, как Курочкин и Виолетта Худобина занимались в чулане амурами, – добавил он, – а значит, мог быть кто-то, кто видел, как ее повесили. Вероятно, этот кто-то вздумал заработать на этом деле. Что в итоге каким-то образом и привело к убийству вашего Константина.

Стоя на месте, Коновалов повернулся ко мне лицом. Ткнул в мою сторону пальцем и клятвенно заверил в том, что завтра, после следственного эксперимента, все или почти все станет ясно.

Не успел Максим Валерьянович поблагодарить Коновалова за исчерпывающий ответ, как случилось событие, которое никто из нас, собравшихся в этом зале, не ожидал.

Да что там не ожидал! Никто даже в самом кошмарном сне не мог представить того, что произошло в следующую секунду.

Бабушка стремительно встала со своего места и сказала сухо, строго, что никакой связи между смертью Виолетты и убийством Константина нет и быть не может. На вопрос Коновалова: почему? – ответила, что это она убила своего племянника.

– А убийство Виолетты здесь, повторяю, ни при чем!

Это был шок! Удар, от которого долгое время мы не могли оправиться. Я в эту секунду даже подумал, что, если бы открылась дверь и на пороге показался живой Константин, это не произвело бы такого впечатления, какое произвело признание бабушки.

Мы смотрели на нее и не могли вымолвить ни слова.

Бабушка постояла несколько секунд в ожидании вопросов. Затем обернулась в поисках кресла и, убедившись в том, что оно находится под ногами, села.

А я чуть не заплакал. Мне в этот момент вспомнилось, как она – готовая в любой час дня и ночи прийти на помощь всем, кого любит, – наотрез отказалась подписывать какой-то пустяковый документ Константина, поставив тем самым его в тяжелое положение. Как она, умеющая, как никто из нас, радоваться чужим радостям, недовольно морщилась, когда слышала о его очередном успехе. Как она была счастлива, узнав, что я выбрал профессию инженера только потому, что профессия коммерсанта у нее ассоциировалась с деятельностью ее сверхпредприимчивого племянника. Всех она любила. Всем радовалась. И только для сына своего младшего брата так и не смогла найти в душе теплого местечка.

«Ах, бабушка, бабушка! Что же ты наделала?»

Высоко подняв голову, бабушка посмотрела Коновалову в лицо. Спросила, почему тот не спрашивает, за что и как она убила сына своего младшего брата.

– Спрашиваю, – опомнился Коновалов. – Так за что и как?

Бабушка довольно кивнула. Сделала паузу и сказала, что на первую часть вопроса – за что – отвечать не будет, поскольку никого, кроме нее и Константина, это не касается.

– А что касается того, как убила... Да просто! Дождалась, когда Максим задремлет, а Виктор уйдет в туалет, вошла в кабинет, взяла со стола нож и ударила им... Вот, собственно говоря, и все.

Коновалова, судя по его недовольному виду, ответ не удовлетворил. Однако настаивать на более подробном изложении не стал. Пожал плечами: все так все. И спросил, готова ли она повторить свое признание в суде.

– Готова!

– Хорошо. И еще один вопрос, последний на сегодня, скажите: для чего вы признались в убийстве? Вы ведь, я так понимаю, еще полчаса назад не собирались этого делать?

Бабушка объяснила свой поступок тем, что побоялась, как бы убийцей не признали кого-нибудь другого – невиновного.

– Знаю я вас! – Она погрозила Коновалову кривым пальцем. – Вам бы только отчитаться перед начальством!

После этих слов в комнате вновь воцарилась тишина. Я бросил взгляд на Виктора и по выражению его лица понял, о чем он думал. А думал он, как обычно, о себе и о том, как будет жить без своей тети Кати дальше.

– Ну ладно! – Коновалов хлопнул ладонями по коленям. Встал и, осмотрев присутствующих, спросил, откуда можно позвонить в милицию.

Виктор вынул из кармана мобильный телефон и протянул капитану.

– Хотите забрать Екатерину Николаевну? – задал вопрос до этого долго молчавший Романов.

– А что? Есть возражения?

– Есть.

– Какие?

– Она не убивала. Точнее сказать, не могла убить... Одну минутку!

Ничего не объясняя, поверенный поднялся с дивана. Провожаемый удивленными взглядами, быстрым шагом вышел из зала. Через пять секунд вернулся и положил на подлокотник кресла, в котором сидела бабушка, принесенный с кухни нож. Попросил показать, как она колола Константина.

Покосившись на нож, бабушка спросила:

– Зачем?

– Покажите, покажите! – попросил Романов. – Надо.

Бабушка решительно подняла руку. Раскрыла ладонь, обнажив торчащие в разные стороны пальцы, и взялась за рукоятку. В следующее мгновение нож вывалился из ее ладони и упал на пол.

– Вот видите! – Романов повернулся к Коновалову. – Екатерина Николаевна не могла этого сделать. Исключено.

– Нет, могла! – заупрямилась бабушка. – У меня просто с первого раза не получилось! – Она наклонилась. – Я вот сейчас еще попробую...

– Хватит, – процедил сквозь зубы Коновалов.

Он подошел к ней. Присел на корточки и, глядя прямо в глаза, спросил, кого она, старая, выгораживает.

– Внука?

Поднялся, приблизился ко мне, смерил взглядом с головы до ног и направился к Виктору.

– Любимого племянника?

Постоял перед Виктором, поиграл желваками, наблюдая за тем, как тот мучается, не зная, куда спрятать руки, и с решительным видом повернулся в сторону Анечки.

– Или, может, сноху?

Все молчали. И только Рыльский, грозно сверкнув в сторону Анечки розовыми белками, потребовал немедленного и чистосердечного признания.

И тут случилось еще одно событие, по сравнению с которым неожиданное признание бабушки в убийстве, которого она, как только что выяснилось, не могла совершить, показалось нелепой шуткой. Не поднимаясь с места, Анечка выкрикнула, что бабушка ни в чем не виновата, а Константина убила она. После чего потребовала, чтобы ее оставили в покое, и, уткнув голову в колени, громко зарыдала.

– Ты? – ахнули мы разом.

Анечка подняла голову и закричала, что больше не может, что у нее нет сил, что она хочет одного: чтобы ее немедленно посадили в тюрьму и ни о чем больше не спрашивали.

– Если для этого надо признаться в суде, я готова! – кричала она. – Но только не мучьте меня! Пожалуйста! Не мучьте!

Это была первая женская истерика, свидетелем которой я был. Анечка плакала, вырывалась из бабушкиных рук, говорила, что не хочет жить, не хочет оставаться одной, не хочет никого видеть...

Коновалов вытер испарину со лба. Не решившись попросить телефон у Виктора – мужа Анечки, обратился ко мне за помощью.

– Мне надо позвонить в милицию.

– Зря! – недовольно пробурчал Романов.

Все удивленно оглянулись на него. И Анечка, даже не услышав произнесенного поверенным слова, но угадав по реакции окружающих, что оно было не простым – важным, чуть утихла.

Коновалов спросил, почему он так решил.

– Преступник, после того как убил Константина, – ответил Романов, – стер следы с бокалов, из которых пили коньяк, а также с рукоятки ножа, на котором, возможно, была кровь убитого. Поэтому любой адвокат в суде первым делом задаст вопрос: чем его подзащитная сделала это, если это сделала она?

– В каком смысле? – не понял Коновалов.

– Ну, покажите мне платочек, тряпочку, бумажку какую-нибудь, которым она стерла отпечатки!

– У нее не было платочка?

Виктор, а потом и все остальные хором подтвердили, что свой платочек она отдала мужу.

– Хорошо, – согласился Коновалов. – Тогда она могла стереть отпечатки...

Он, видимо, хотел сказать: чем-нибудь из одежды. Однако секундой позже, осмотрев ее аккуратно выглаженную, ослепительно-белую, без единого пятнышка майку, короткие, туго обтягивающие бедра джинсы и тапочки на босую ногу, высказал предположение о том, что отпечатки с ножа и бокалов были стерты чем-то, что находится в кабинете: каким-нибудь листком бумаги, газетой, занавеской.

– Давайте посмотрим! – предложил Романов.

И первым направился в кабинет. Следом за ним, толпясь и толкаясь, поспешили все остальные.

Кабинет дяди Толи представлял собой небольшую квадратную комнату. Почти всю левую стену, если смотреть со стороны коридора, занимало окно, наполовину закрытое жалюзи. Справа стояли: узкий кожаный диван, больше напоминающий медицинскую кушетку, и темный шкаф с коллекцией фарфоровых статуэток. Спереди – большой письменный стол, над которым висела фотография Виктора Худобина в обнимку с балериной Волочковой, и два легких кресла.

– Ну и чем тут можно вытереть? – Романов, подталкиваемый в спину напирающей сзади толпой, вышел на середину кабинета. – Я, по крайней мере, пока не вижу.

Обойдя Романова, Коновалов поднял жалюзи. Постоял немного и сел за стол. Открыл ящики, закрыл их, поморщился, откинулся на спинку кресла и задумался.

– Что за дурацкий кабинет – ни тебе книжек, ни папок, ни бумаг...

Виктор подтвердил: все документы, папки, бумаги после смерти хозяина были вывезены в город. А книги, как и положено, хранятся в библиотеке на третьем этаже.

– Чего молчите? – Коновалов прикрикнул на Анечку. – Чем вы стерли отпечатки пальцев? Отвечайте!

Не успела Анечка в ответ пронять первое слово из намеченного плача, как Коновалов, грохнув кулаком по столу, посоветовал даже думать забыть устраивать при нем истерики.

– Я еще раз повторяю вопрос: чем вы стерли отпечатки пальцев с ножа и бокалов? Вы меня поняли? Чем?!

Удивительно, но Анечка его поняла. Застыв на полуслове, она согласно кивнула. Собралась с силами и ответила, что не помнит.

– Не помните или не стирали?

Анечка проглотила комок в горле. Смахнула со щеки слезинку и, видимо, поняв, что отрицать очевидное глупо, призналась в том, что не стирала отпечатков.

– Замечательно! – Коновалов фальшиво рассмеялся.

Покачав головой, спросил: может, она еще скажет, что никого не убивала?

Я затаил дыхание. Если сейчас Анечка ответит, что убивала, то в этом случае, по-видимому, придется признать, что Коновалов ошибался, связав убийство Константина со смертью Виолетты и завещанием дяди Толи. Если же ответит: нет, – то тогда...

«То тогда, – подумал я, – Коновалов убьет ее саму!»

Анечка опустила глаза и, как мне показалось, с облегчением выдохнула:

– Простите меня. Я совсем запуталась... Я не хотела никому причинять неприятностей, правда. Я солгала вам...

Коновалов еще раз грохнул кулаком по столу. Не стесняясь женщин, грязно выругался, а потом добавил, что специально для таких, как она, в Уголовном кодексе существует статья двести девяносто четыре, в которой говорится о том, что воспрепятствование производству предварительного расследования карается арестом.

– Ты хотела в тюрьме посидеть? Так я тебе устрою! Полгода хватит? Рядом со своей тетей Катей, чтобы вам скучно не было!

Анечка всхлипнула. Сказала: не надо тетю Катю.

– Почему лгала? – не унимался Коновалов. – Кого покрывала?

– Никого.

– Тогда для чего наговаривала на себя? Или, может, все-таки это ты убила?

– Нет.

– А кто? Кто убил? Знаешь?

Анечка не сказала: нет. Из последних сил, сдерживаясь, чтобы снова не разреветься, она закусила губу и часто заморгала длинными ресницами.

– Ну! – приподнявшись над столом, крикнул Коновалов. – Говори быстро!

Повернувшись в сторону Рыльского, Анечка вопросительно посмотрела на него. Рыльский жалобно, как-то уж совсем некрасиво скривил губы и покачал головой из стороны в сторону.

– Что?! Что?! – глядя на них, заорал Коновалов.

– А то, – сказал Максим Валерьянович, – что надо внимательней слушать свидетелей!

– Каких еще свидетелей?!

– Екатерину Николаевну! А ведь она, хоть и иносказательно, указала на убийцу!

Коновалов, а вслед за ней и сама бабушка ахнули: когда?

А я сразу понял когда. Тогда, когда поведала о том, что поправляла мою постель. Я мысленно постучал себя кулаком по лбу и посетовал на то, что утром, занеся в нашу с ней комнату вещи, решил секундочку поваляться на кровати.

– Екатерина Николаевна сказала, что была в спальне и поправляла постель Игоря, – доби-вал меня Рыльский, – в то время, когда он, по его собственным словам, в это время лежал на ней!

А бабушка опять ничего не поняла. Вскочила на ноги и закричала, что это она убила Константина, она и никто другой.

– Игорь спал! Клянусь вам: он спал! Вы посмотрите, у него даже водолазка надета задом наперед!

Я посмотрел на рукав: водолазка действительно была надета наизнанку.

– Ну конечно! – Коновалов улыбнулся – нехорошо улыбнулся, недобро, а потом спросил, где я был сегодня с трех и до пяти часов дня. – Надеюсь, – добавил он, – о том, что ты спал в кровати, мы говорить больше не будем?

«А о чем мы будем говорить?» – хотелось спросить его. О том, что с трех до пяти я боялся, как бы меня не услышали, не застукали, не поймали? Или о том, что я с детства привык считать себя порядочным человеком, что самоуважение значит для меня не меньше, чем для Виктора состояние его банковского счета? «Пусть у меня нет денег, пусть мою “копейку” не

видать из окна лимузина, зато я, в отличие от многих, порядочен и честен!» А теперь? Что теперь мне сказать самому себе?

«В общем, как ни крути, – подумал я, – но отвечать на проклятый раскольниковский вопрос: “Кто я? Тварь ли я дрожащая или право имею?” придется... Итак, кто я: тварь или право имею?»

– Мне скрывать нечего, – сказал я. – С трех до пяти часов дня я занимался тем, что убивал Константина Худобина.

– Игорь! – взвыла бабушка. – Что ты делаешь?

– Причиной убийства явилась личная неприязнь, а также грубость с его стороны. В общем, я не сдержался и ударил его первым попавшимся под руку предметом – ножом. Теперь, естественно, раскаиваюсь в содеянном.

– Ну вот и хорошо, что раскаиваешься! – Выйдя из-за стола, Коновалов положил мне руку на плечо. – Хорошо. А я уж, грешным делом, думал, упираться станешь! Чем отпечатки стер?

– Бумажной салфеткой.

– Где она?

– Порвал и выбросил в унитаз.

– Это ты убил свою тетку?

– Никакая она мне не тетка!

– Хорошо, поставим вопрос по-другому. Это ты убил Виолетту Худобину?

– Нет.

– Я еще раз спрашиваю: ты?

– Нет.

– Ну хорошо, – Коновалов убрал руку с моего плеча и отошел в сторону. – Об этом мы с тобой еще поговорим. Позже.

Бабушка кривыми пальцами схватила Коновалова за лацканы пиджака и закричала о том, что этого не может быть, что я мухи не обижу и что я, дурачок, зачем-то оговариваю себя.

– Зачем? – перебил капитан.

Бабушка опустила руки.

– Что – зачем?

– Зачем ему себя оговаривать? Вот вы, например, оговорили себя для того, чтобы отвести подозрение от внука, это я понимаю, но ему-то, спрашивается, зачем это надо?

– Я не знаю.

– И никто не знает. А знаете, почему этого никто не знает? – Бабушка молчала. – Потому что это все ваши выдумки! Нет у него причин выгораживать других! Короче! – Коновалов рубанул ребром ладони воздух. – Курочкин единственный из всей семьи, не считая Виктора Худобина, кто знал, в каком из многочисленных подсобных помещений дома вечером четырнадцатого февраля находилась его тетка Виолетта. Это он убил ее! Потом убил Константина Худобина, поскольку тот, на свою беду, не только оказался свидетелем преступления, но и написал об этом преступлении анонимку, желая сорвать жирный куш с дядюшкиного наследства. За что, как видим, и поплатился.

Коновалов спросил у меня, как я узнал, что анонимщик – Константин.

Я молча пожал плечами. Честно говоря, у меня до сих пор нет полной уверенности в том, что это именно он написал анонимку. Хотя, если вдуматься, никто другой этого сделать не мог.

Бабушка сложила ладоши на груди и попросила, чтобы я сию же секунду забрал свои слова обратно. Я отказался. Тогда она обратилась к Романову и потребовала, чтобы тот опроверг мое признание в убийстве так же, как он только что опроверг ее признание и признание Анечки.

Романов с готовностью согласился сделать это. По его мнению, которым он не преминул поделиться с Коноваловым, я не мог убить Константина Худобина по причине того, что у меня для убийства дяди не было достаточно времени.

– Посчитайте сами, – предложил он. – Екатерина Николаевна, Виктор Анатольевич и Максим Валерьянович в один голос утверждают, что никто с трех до пяти часов в кабинет Анатолия Николаевича не входил. Это значит, что убийца, если, конечно, убийцей не был кто-то из них, мог пройти незамеченным через зал только в то время, когда никого, кроме спящего Максима Валерьяновича, там не было. Далее... Мы не знаем точного времени, когда Екатерина Николаевна и Виктор Анатольевич выходили из зала, зато знаем, что, когда Анна без пяти пять, минус две-три минуты, спустилась вниз, ее муж был в туалете. А если учесть, что отсутствовал он, по его словам, минут пятнадцать, то получается, что Виктор Анатольевич вышел из зала примерно в шестнадцать сорок... Я правильно посчитал?

Я проверил: Анечка закричала в шестнадцать пятьдесят пять. Отнимаем от этого времени пятнадцать минут и получаем шестнадцать сорок. Все сходится.

– Сказали бы сразу, что у меня была возможность убить Константина только в течение тех пятнадцати минут, когда Виктор поносил! – пробурчал я. – И не пришлось бы перед всеми умничать!

Бабушка закричала мне, чтобы я замолчал, а Романову, наоборот, чтобы как можно скорее продолжал говорить дальше.

– Так вот, – выполнил ее просьбу Романов. – У Игоря для того, чтобы спуститься вниз, пройти в кабинет, выпить с Константином Худобиным коньяк, убить его, стереть отпечатки пальцев и подняться наверх, было, как он только что справедливо заметил, не более пятнадцати минут. И даже, уверяю вас, гораздо меньше, поскольку Екатерина Николаевна отсутствовала, по ее словам, минут десять. Вычтите из этого времени еще одну-две минуты, когда она поднималась и спускалась по лестнице, и вы поймете, что времени для того, чтобы убить Константина Худобина, у Игоря практически не было.

Коновалов задумчиво кивнул. Почесал за ухом и спросил меня, не хочу ли я чего сказать.

Я сказал, что достаточно и пяти минут для того, чтобы не только убить одного Константина, но и изничтожить всех Худобиных вообще.

Коновалов погрозил мне пальцем. Подошел к окну, посмотрел на еле проглядывающую сквозь сгустившиеся сумерки одинокую синюю елку и, не оборачиваясь, заявил, что ответ на вопрос: сколько мне надо времени, чтобы убить Константина, – мы узнаем завтра, после следственного эксперимента.

– Кстати! – он обратился к Романову. – Вы-то сами как считаете, кто убийца?

Словно желая пролить бальзам на мою израненную Худобиными душу, Романов сказал, что убийцей, возможно, является Виктор.

– Почему? – удивился Коновалов.

– Потому, что Виктор Анатольевич недавно произнес одну весьма подозрительную, на мой взгляд, фразу.

– Какую?

– Он сказал, что Константин был заколот ножом в горло.

– И что с того? В чем криминал?

– В том, что Виктор Анатольевич, по его собственному признанию, в кабинет не входил и, значит, знать о том, куда, в какое место, убийцей был нанесен удар, не мог.

– А что, разве никто здесь об этом не говорил? – сев за стол, спросил Коновалов.

– Нет.

– Совсем?

– Совсем. Мы говорили только о том, что Константин был убит ножом. А о горле – ни слова!

Стало совсем темно. Я подошел к двери, включил верхний свет и принялся вспоминать, о чем мы говорили все это время.

А говорили мы о многом. Сначала Романов признался в убийстве Константина. Затем, после того как Романов забрал свои слова обратно, Коновалов принялся выяснять, кто, когда и в каком месте находился во время совершения преступления. Выяснили, что ни у кого из нас, и у меня в том числе, алиби нет. Потом произошла стычка между мной и Виктором, при этом мы тоже много чего наговорили друг другу. Потом было второе бабушкино признание в убийстве, после него Анечкино – третье и мое – четвертое... А о горле, кажется, и вправду речь не шла.

– Это я упомянула о том, что Константин был убит ножом в горло, – хлюпнула носом Анечка. – Ты помнишь, Витя?

Виктор отрицательно покачал головой. Сказал, что это совершенно не важно, поскольку Константина убил действительно он.

«Так, – по инерции продолжал считать я, – после Анечкиного третьего признания и моего четвертого последовало пятое, от Виктора».

Не успел я подумать о том, что осталось еще одно признание, шестое, которое, по идее, должно последовать от Рыльского, как у нас случилась новая истерика – на этот раз с Борисом Сергеевичем Коноваловым.

Несмотря на то, что расстояние между ним и Виктором измерялось максимум двумя шагами, Коновалов, сделав массу ненужных движений, умудрился пробежать его. Встал перед Худобиным и с пеной у рта принялся орать о том, что он – капитан милиции, а не клоун, что он никогда никому не позволит делать из себя идиота, и что ему (на это он потребовал обратить особое внимание), заслуженному оперу, за свою карьеру приходилось обламывать еще и не таких уродов, как мы.

– Хватит надо мной издеваться! – затопал он ногами. – Хватит, я говорю!

Набравшись смелости, Романов высунулся из-за моей спины и спросил: почему Борис Сергеевич считает, что Виктор не мог убить Константина?

– Да потому! – с новой силой заорал Коновалов. – Что убийца стер с бокалов свои отпечатки пальцев! Ясно вам?! А зачем, я вас спрашиваю, Худобину стирать их, если всем известно, что его отпечатки были на бокалах еще до совершения преступления?! Зачем?!

Романов вынужден был признать: незачем. Он опустил голову, поднял глаза и, виновато разведя руками, попросил у Виктора прощения.

То ли признание Романовым своей ошибки благотворно подействовало на психику Коновалова, то ли сил продолжать скандалить не осталось, но только истерика, подобно пронесшемуся над Мыскино утреннему ливню, закончилась так же быстро, как и началась. Выговорившись, или, точнее, выкричавшись, он глубоко вздохнул, вытер испарину со лба и, ни на кого не глядя, плюхнулся на свободное кресло.

Вопрос о том, почему Виктор оговорил себя, в эту минуту его, похоже, не интересовал.

На улице тем временем стал накрапывать дождь. Сначала робко, как бы пробуя свои силы, он застучал по карнизу редкой дробью. Через минуту, словно поняв, что все у него сегодня ладится, получается, добавил старания и обрушил на поселок вместе с потоками воды гром и молнию. Дом вздрогнул, зазвенел фарфоровыми статуэтками и... погрузился во мрак.

– Опять свет отключили, – испуганно прошептала Анечка.

– Я сейчас свечи достану! – громко произнес Виктор.

– А давайте, – из темноты раздался скрипучий голос Рыльского, – перейдем в зал и затопим камин. Я за дровами схожу.

Несмотря на то что идея Максима Валерьяновича всем понравилась, самовольно выйти из кабинета никто, в том числе и сам Рыльский, не решился – все ждали команды Коновалова.

Осветив стены комнаты, в окне сверкнула молния. Стоявшая у окна бабушка перекрестилась и, как только отгремел раскат грома, сказала, что в доме сильно похолодало.

– Ладно. – С того места, где сидел Коновалов, донесся звук отодвигаемого кресла. – Пошли в зал.

В зале было прохладнее, чем в кабинете. Пока Максим Валерьянович ходил за дровами, а Виктор расставлял свечи на каминной полке, Анечка под села к бабушке на диван и, прижавшись к ней, снова заскулила.

– Ну что ты, что ты, – бабушка погладила ее по голове. – Перестань, все образуется. Вот сейчас придет Максим, принесет дрова, мы зажжем их, и тебе сразу станет легче.

– Не хочу, чтобы он приходил!

– Почему?

– Потому что он – убийца!

Анечка оттолкнула от себя бабушку. Крикнула: «Максим Валерьянович – убийца! убийца! убийца!» – зарыдала и упала вниз лицом на диванные подушки.

Несмотря на то что подобные слова сегодня звучали не раз, Коновалов все же со всей серьезностью отнесся к ним.

– Откуда тебе известно? – спросил он.

– Я видела!

– Что ты видела?

– Видела, как он... как он... – Анечка захлебнулась слезами.

– Не торопись! – посоветовал Виктор. – Расскажи с самого начала, что ты видела.

Анечка приподнялась над диваном. Вытерла слезы и торопливо произнесла:

– Когда я спустилась со второго этажа, в зале никого, кроме тети Кати, не было. Я решила, что все ушли в кабинет. Зашла туда, а там...

– Что там?

– А там был дядя Максим! Он стоял, наклонившись над горлом Константина, и что-то с ним делал: то ли разглядывал его, то ли еще что-то, я сразу не поняла. А когда он выпрямился и повернул ко мне лицо, я увидела, что у Константина на горле рана, а дядя Максим... дядя Максим... Облизывается!

– Что?! – кажется, одновременно ахнули все, кто находился в зале.

– Он повернул ко мне лицо, посмотрел... так, что у меня отнялись ноги. Еще раз облизнулся и приказал молчать. А не то, говорит, будет плохо!.. И вышел.

– И поэтому ты взяла убийство на себя? – догадался Коновалов.

– Я боюсь его! Мне страшно!

В эту секунду, осветив зал, за окном сверкнула молния. Анечка испуганно вскрикнула. В дверях, с поленьями в охапку, настороженно глядя на нас, стоял Максим Валерьянович.

И тут...

Одновременно с раскатом грома Коновалов бросился на него. Выбил дрова из рук и грозясь разорвать, как Тузик грелку, заломил руку. В ответ Рьльский ударил его лбом по переносице и коленом в пах. Не давая опомниться, обхватил двумя руками за туловище, приподнял и, несмотря на то что был на полголовы ниже и килограммов на двадцать легче, бросил оперативника на рассыпанные по ковру дрова. Обвел нас внимательным взглядом и, наклонив голову, выбежал из зала.

Я пустился за ним вдогонку. Однако у порога остановился, решив, что разумнее в этой ситуации остаться в зале, поддержать своим присутствием бабушку. И, как оказалось, правильно сделал. Бабушка, едва я приблизился к ней, обняла меня за голову, прижала к себе и попросила хотя бы в эту ночь не отходить от нее ни на шаг.

Коновалову понадобилось немало усилий и времени для того, чтобы прийти в себя. Держась одной рукой за спину, другой опираясь на плечо Романова, он поднялся с пола и сел на

диван. Неотрывно глядя на то, как в камине догорают дрова, посидел несколько секунд в раздумье и попросил разрешения позвонить в милицию.

Пока Коновалов звонил, все молчали. Но стоило ему отключить телефон, разом заговорили. Кто-то вспоминал прошлое Рыльского, кто-то предсказывал его будущее, а я сидел, уткнувшись лицом в ладони, и, прокручивая в памяти события последних часов, думал о настоящем. И пришел к выводу: ничего удивительного в том, что Максим Валерьянович стал вурдалаком, нет. У меня самого после общения с Худобиными не раз и не два возникало ответное желание попить их кровушки.

* * *

Прошло, наверное, около часа после звонка Коновалова, как у ворот, осветив фарами улицу и часть дома с окном, остановился автобус, из которого выскочили люди с автоматами. Коновалов вышел, поздоровался за руку со старшим и принялся о чем-то говорить с ним. Затем взял фонарик и, освещая себе путь, вернулся в зал.

Спросил, во что был обут Рыльский.

Бабушка сказала: в тапочки.

– Я спрашиваю, – повысил голос Коновалов, – в какой обуви он приехал сюда?

Все молчали.

– Хорошо, поставлю вопрос по-другому. Чьи черные туфли стоят в прихожей?

Виктор ответил: если туфли дорогие и с пряжкой, его.

– Чьи кроссовки?

Я сказал: если кроссовки дешевые и без пряжки, мои.

– Старые сандалии?

Романов молча поднял руку.

– Мужские серые ботинки?

Все молчали.

– Мужские серые ботинки? – еще раз громко повторил вопрос Коновалов.

Все снова молчали.

– Ясно. – Коновалов развернулся и быстрым шагом вышел из зала.

Я проводил его до порога. Закрыв дверь и первым высказал предположение о том, что Рыльский с испуга убежал из дома в одних тапочках. Виктор, само собой разумеется, тут же возразил мне. Пренебрежительно махнул рукой в мою сторону и сказал: важно не то, в чем именно убежал Рыльский – в тапочках или без, – а зачем.

– Зачем, спрашивается, бежать, если бежать некуда?

Романов попросил объяснить, что значит «некуда».

– Это значит, что с одной стороны Мыскино окружает река, с другой – лес, – ответил Виктор. – Между тем до нормального шоссе километров восемь, и то если идти не по нашей дороге, где в это время машины не ходят, а напрямую, через бор.

«Это значит, – тут же сделал я утешительный для себя вывод, – что никакого следственного эксперимента завтра не будет».

Что и говорить: повезло.

Коновалов вернулся в дом, когда за окном стихли голоса людей и прекратился лай собаки-ищейки. Сел на корточки перед камином, поворошил кочергой дрова в топке и, сладко сощурился, сообщил о том, что ищейка, кажется, взяла след Рыльского.

– Вот и хорошо! – с облегчением вздохнула бабушка. – А то как бы он еще чего не натворил.

– Да, – не отводя глаз от костра, согласился Коновалов. – Хорошо...

Судя по тому, каким тоном это было произнесено – задумчивым и абсолютно безрадостным, – стало понятно: на самом деле все не так хорошо, как есть на самом деле.

И не ошибся. Словно в подтверждение моих мыслей, Коновалов добавил, что, к его великому сожалению, статьи для вурдалаков в Уголовном кодексе, увы, нет.

– А ведь если есть вурдалак, значит, должна быть и статья для него, правильно? А иначе-то как?

– Зато есть статья за убийство, – заметил Романов.

– Да! Но убийство – это, понимаешь, убийство, оно разным бывает, а тут... – Не закончив фразы, Коновалов вздохнул. Поставил кочергу на место и, с видом человека, сделавшего тяжелую, но, как оказалось, во многом бессмысленную работу, сел в кресло.

Странно, но только теперь, после того как речь зашла о вурдалаках, я впервые по-настоящему задумался над тем, как погиб Константин. Нельзя сказать, чтобы я не думал об этом раньше (не думать об этом было просто невозможно), но как-то мельком, вскользь, словно боялся, что воспоминания о событиях этой ночи укоренятся в моей памяти и отравят ее на долгие годы.

А вот Виктор, похоже, ничего не боялся. Он окликнул Романова и потребовал, чтобы тот как можно подробнее рассказал ему о вурдалаках с вампирами.

– И главное, расскажите, как бороться с ними!

Прежде чем ответить на вопрос, Романов, как всегда, задумчиво пожал плечами. Сказал, что с вурдалаками, насколько ему известно из книг, бороться практически бесполезно. Их можно только убить: серебряной пулей или, на худой конец, осиновым колом в сердце.

– Считается, что они физически необыкновенно сильны и живучи...

– Почему это «считается»? – не удержался, чтобы не уколоть Коновалова, Виктор. – Милиция, например, теперь уже точно знает об этом! Я ведь правильно говорю, товарищ капитан?

Испугавшись того, что вот-вот вспыхнет новая ссора, бабушка, не давая Коновалову ответить, всем телом повернулась к Романову и громко спросила: как он думает, существуют вурдалаки на самом деле, или это суеверие и вымысел?

– Да какое же это суеверие? – всплеснула руками Анечка. – Я же сама собственными глазами видела, как дядя Максим...

– И все-таки! – Бабушка нетерпеливо кивнула Романову, дескать, давай, говори скорей, пока Коновалов не принялся выяснять отношения с Виктором.

Романов, занятый своими мыслями, не сразу понял, что от него требуется. И только после того, как бабушка призывно кашлянула в его сторону, сказал, что, несмотря на красный диплом, полученный им еще в те времена, когда учеба в университете давала не только образование, но и знания, уверенности в том, что это вымысел, у него нет.

Бабушка попросила объяснить почему.

– Видите ли, – задумчиво произнес Романов, – меня смущает одно обстоятельство. Боюсь ошибиться, но, по-моему, на планете просто не существует мест, где бы не слышали о вурдалаках. Они только называются по-разному. В некоторых германских землях – альпами, в Индии – бхута или бхуту, не помню, как правильно, на Среднем Востоке, кажется, ассамитами, в Румынии – носферату...

– Как?

– Носферату! Это, знаете, такая разновидность незаконнорожденного вампира, чьи родители, в свою очередь, тоже были незаконнорожденными детьми... А есть еще инкубус – существо, которое посещает по ночам женщин, занимается с ними любовью и воплощает наяву их заветные мечты. В отличие, кстати, от суккубуса – существа женского рода, которое приходит к мужчинам во сне и мучает их... Так вот! Объяснить это обычными интеграционными

процессами или просто совпадением нельзя. На мой взгляд, кроме совпадения и процессов, о которых я только что сказал, должно существовать еще что-то.

– Что?

Романов покачал головой:

– Не знаю.

– А что по этому поводу говорит наука? – спросил Коновалов.

– Молчит. Были, правда, попытки описать это явление, но, насколько они научны, сказать не могу... А вообще, если мне не изменяет память, первое упоминание в русской литературе слова «упырь» датировано одиннадцатым веком. В Англии – двенадцатым: Уолтер Меп написал работу о вампироподобных существах. Ну а самый первый вампир был, конечно, описан в греческой мифологии... Про царицу Ламию что-нибудь слышали?

Бабушка отрицательно покачала головой.

– Нет? Тогда позвольте, расскажу... Царица Ламия родила от громовержца Зевса детей, а затем по велению богини Геры – ревнивой жены Зевса – съела их. После чего свихнулась, пошла вразнос и стала пить кровь у всех младенцев подряд.

– Ужас какой, – прошептала Анечка.

– Ужас, – подтвердил Романов. – И тем не менее это не столь редкий случай, как кажется.

– Точно-точно, – подтвердил Коновалов. – У меня тут не так давно тоже был один похожий эпизод...

Борис Сергеевич повернулся лицом к Романову и стал подробно, с упоминанием дат и фамилий, рассказывать про то, как одна бомжиха съела одного за другим трех своих дружков.

– Она, понятное дело, не царица и ела далеко не младенцев, но все же, согласитесь, что-то общее между ними есть!

Здесь я хотел встать и уйти. Потом подумал и решил остаться. Во-первых, потому что одному в такую ночь довольно скучно, а во-вторых, и это главная причина, не хотелось нарушать обещание – оставлять бабушку одну.

Бабушка, как назло, и не думала никуда идти. Едва Коновалов закончил рассказ про бомжиху и трех бомжей, как она, подхватив эстафету, стала вспоминать о том, как у них в деревне кто-то по ночам высасывал кровь из кур:

– Глянешь утром, а у нее на шее следы от зубов!

Следы от зубов – это, конечно, противно, слов нет, однако куда противнее то, о чем начал рассказывать Виктор. А начал он рассказывать самую что ни на есть правдивую, по его, естественно, словам, историю о черном-черном человеке, регулярно появлявшемся на городском кладбище в минуту, когда на черном-черном небе появлялась кроваво-красная луна... На этом месте я не выдержал и сказал, что умный человек, если он действительно умный, подобные истории забывает сразу после того, как у него выпадает последний молочный зуб. Меня, как обычно в таких случаях, перебили и, фигурально похлопав по плечу, посоветовали посидеть, послушать старших.

Тогда я окончательно решил идти спать. Но тут тучи за окном раздвинулись, и всю комнату, от пола до потолка, залил лунный свет. Свет, конечно, был не кроваво-красный, как в правдивом в кавычках рассказе Виктора, но тоже довольно неприятный. Белый, будто люминесцентный, он густым слоем окутал фигуры находящихся в зале людей, превратив их и без того не самые прекрасные лица в фантасмагорические маски.

Не успел я обрадовать родственничков сравнением с Рыльским, как на улице раздались возбужденное тьяканье овчарок и голоса возвращающихся из леса омовцев. Через минуту открылась дверь, и в зал, громко топая тяжелыми ботинками, вошел заляпанный грязью офицер.

На вопрос Коновалова, как дела, доложил о том, что, несмотря на все старания людей и собаки, Рыльского поймать не удалось.

– Как сквозь землю провалился, гад! – сплюнул он на пол и, коротко попрощавшись, вышел.

Бабушка ахнула и трижды перекрестилась. Виктор проводил недовольным взглядом офицера, встал, подкинул в камин полено, чтобы в зале стало светлее, и заявил о том, что завтра утром, сразу после того, как из города вернется Михаил, прикажет вытесать специально для Рыльского парочку острых осиновых кольев.

Стараясь не привлекать к себе внимания, я прилег на диван. Заткнул уши, чтобы не слушать начатую Романовым историю о трансильванском дворянине – графе Дракуле, и закрыл глаза.

* * *

Ночь пролетела незаметно. Под стук доносящегося со двора топора я поднял голову и обвел взглядом комнату. Виктор, аккуратно причесанный, как та лужайка, которую задумчивым взором разглядывал из окна Коновалов, полировал пилочкой ногти, в то время как Анечка с бабушкой неторопливо накрывали на стол.

– Проснулся? – поймав мой взгляд, спросила бабушка.

Я подумал и согласно кивнул: вроде бы проснулся.

– Тогда давай вставай, чисти зубы, завтрак – через десять минут.

– Завтрак – это хорошо!

Я вскочил на ноги. Проходя мимо бабушки, поинтересовался, не появлялся ли ночью Рыльский, а если появлялся, нет ли у кого на шее следов от укусов, и пошел умываться. Приведя себя в порядок, вернулся в зал.

Спросил, где Романов.

Не отрывая глаз от ногтей, Виктор ответил, что интересующая меня личность в данное время занимается тем, чем подобным личностям полагается заниматься в здоровом обществе, – трудом.

– А конкретно?

– Конкретно помогает Михаилу тесать осиновые колья.

Станный он все-таки человек – Худобин. Любой другой на элементарный вопрос: где? – ответил бы не менее элементарно: там. А он ответил: чем. И не просто ответил, а так, чтобы не только мне, но и всем, кто слышал его, стало ясно: Романов помогает Михаилу тесать колья не по своей, а по худобинской воле.

Решив проверить, так ли это, я вышел из дома.

Действительно, Романов чем мог помогал Михаилу. А поскольку мог он, как я давно понял, работать только головой и языком, вся его помощь заключалась исключительно в разговорах о полезных свойствах осины.

– ...осина, – подставив солнцу лицо, разглагольствовал он тоном профессионального лектора, – не только поглощает отрицательную энергию человека, но и восстанавливает, как сейчас модно выражаться, его ауру! О чем, между прочим, знали еще наши предки. Они этим пользовались, когда хотели отогнать от себя недоброжелательно настроенных духов... Не знаю, правда или нет, но считалось, будто прикосновение к осине или к изготовленным из нее предметам очищает душу от страха, истерии, навязчивых идей и даже... – в этом месте Романов поднял указательный палец вверх, – отводит смерть!

Работник Худобиных Михаил, накануне погулявший у подруги и оттого пребывавший в хорошем настроении, испортить которое не смогло даже известие об убийстве Константина, рассмеялся:

– Скажете тоже: смерть!

– Ну, может, не смерть, но что-то вроде этого.

Воткнув в землю готовый кол, Михаил рассмеялся громче.

– Не веришь? – Увидев меня, Романов приветливо помахал рукой. – Ладно! Тогда ответь мне, пожалуйста, на один вопрос. Для каких таких целей осину, как тебе, должно быть, хорошо известно, не самое полезное в хозяйстве дерево, сажают возле жилья? А? Сказать нечего?

– Почему нечего? Есть чего! – Михаил достал из ящика с инструментами початую бутылку портвейна с насаженным на горлышко стаканом и сказал: – Давайте еще по одной!

Романов бросил на меня быстрый взгляд, словно хотел по выражению лица определить мое отношение к поступившему предложению. Немного подумал и, решив не стесняться, согласно махнул рукой:

– Давай!

Михаил налил в стакан вина на три пальца и протянул мне.

Поблагодарив за угощение, я отказался. Сказал, что еще не обзавелся привычкой пить по утрам.

– И это правильно! – одобрил Михаил. – Молодец! Я в твоём возрасте тоже не пил до открытия магазина. Тоже типа следил за собой.

– А сейчас, выходит, уже типа не следишь?

– А сейчас мне следить, Игорек, за собой некогда! Сейчас мне за газоном твоего дядюшки следить надо.

Он передал стакан Романову. Вытер ладонь о штанину и полез в карман за карамелькой.

Романов выпил. Закусил конфеткой и, заметно повеселев, с довольным видом обзрел газон.

– Да, – сказал он, покачивая головой. – Поле деятельности, погляжу, у тебя большое!

Михаил уточнил: тридцать соток. И добавил, налив себе вина:

– И вот ведь что обидно... Все думают, раз это трава, значит, и расти она должна чуть ли не сама по себе. А я вроде здесь как бы ни при чем. И хоть бы кто подумал, что хлопот с ней поболее, чем с некоторыми культурами. Честное слово! Ее только косить полагается раз в неделю, чтоб сорняки заглушить!

– Так часто? – удивился Романов.

– А то! Правда, в нашем климате будешь столько косить – через месяц от нее одни корешки останутся, но вот раз в две, в три недели заводить газонокосилку – будь любезен! А куда деваться? Надо. Работа такая.

Михаил тяжело вздохнул. Посмотрел на стакан с таким видом, словно забыл, зачем взял его в руки, и выпил.

А я сразу вспомнил бабушку. Та, помнится, до конца дяди-Толиных дней пилила его за то, что он на своем участке вместо того, чтоб, как всякий нормальный дачник, сажать овощи, разводил траву, чем, по ее мнению, выставлял себя на всеобщее посмешище. Дядя Толя в ответ смеялся и на все обвинения в лени говорил, что не выращивает овощи исключительно из экономии.

«Посчитай сама, – предлагал ей. – Сколько нужно денег на семена, рассаду, удобрения, бензин, чтобы возить все это в сад? Так и разориться недолго!»

Чтобы доказать: разорение хорошему овощеводу не грозит, – бабушка брала ручку, листок и считала. У нее выходило – сажать выгодно. Но стоило дяде Толе взяться за расчеты, как оказывалось, что покупать овощи в соседней деревне гораздо дешевле, чем выращивать самим. Бабушка спорила, психовала, но убедить Худобина в своей правоте ни разу не смогла.

В эту минуту в доме хлопнула дверь. Только Михаил спрятал бутылку портвейна в ящик с инструментами, как на крыльце показался Виктор. Спустился вниз, осмотрел отесанный кол и, скорчив противную гримасу, сделал замечание по поводу недостаточно острого, по его мнению, наконечника.

– Таким орудием не то что сердце вампира, его дерьмо, захочешь, не проткнешь!

Потребовав переделать, он швырнул кол под ноги Михаила. И добавил, что если мы, три лодыря, не способны справиться с одним простым заданием, нечего было и браться за него. После чего обозвал нас одним нехорошим, но емким словом, вместившим в себя не только отношение к тем, кому оно адресовано, но и душевное состояние того, кто его адресовал, развернулся и, прыгая со ступеньки на ступеньку, быстро поднялся на крыльцо.

Подождав, когда фигура Худобина скроется из вида, Михаил тяжело вздохнул. Достал из ящика бутылку портвейна, протянул Романову стакан и высказал мнение о том, что люди с таким характером, как у танцора, могут жить исключительно на воле, поскольку в других местах, не столь отдаленных, они не протянут и пяти минут.

Я рассмеялся. Сказал, что, по мнению Василия Сергеевича, одно из других не столь отдаленных мест в скором времени может стать для Виктора достаточно близким.

– Это правда? – спросил Михаил.

Романов поморщился. Пожав плечами, сказал, что, с одной стороны, он, конечно, ошибался, бездоказательно обвиняя Виктора в убийстве брата, а с другой – нет, поскольку никто другой убить Константина не мог.

– А разве Константина убил не Рыльский?

– Нет, что ты! Только не он.

Романов задумчиво повертел в ладони стакан с портвейном. Медленно выпил и, на секунду задержав дыхание, сказал, что в тюрьме, наверное, тяжело всем, а не только таким, как Виктор, которого Михаил почему-то обозвал танцором.

– Кстати, почему танцор?

Налив себе портвейна ровно на три пальца, Михаил ответил: танцор – он потому танцор, что танцевал танцы.

– А что касается тюрьмы, то тут вы, Василий, правы – там плохо всем. Но Виктору, говорю вам, будет много хуже.

В эту секунду на крыльце показалась бабушка. Увидев стакан в руке Михаила, она укоризненно покачала головой. Велела быстро заканчивать работу и мыть руки – завтрак на столе.

Подытоживая разговор о «других местах», я посоветовал Михаилу не строить иллюзий по поводу того, что Виктору когда-либо в обозримом будущем будет тяжело за решеткой. И объяснил почему:

– Худобины и иже с ними интересуют нашу милицию ровно столько, сколько лису в голодную пору спелый виноград. Помните, у Крылова? «И видит глаз, да зуб неймёт»!

– Что значит «неймёт»? – нахмурился Михаил. – Ты что, хочешь сказать: тюряга только для таких, как я? А для танцора что?

– А для танцора – скользкая танцплощадка во второсортном ресторане.

Кажется, шутка вышла не совсем удачной. Михаил нахмурился еще больше, отчего его глаза утонули в дебрях густых бровей, а над носом появилась густая сеточка морщин.

Ну и ладно. Я окинул взглядом аккуратно скошенный газон, на краю которого с невыпитым стаканом стоял расстроенный Михаил, и молча, вслед за Романовым, вошел в дом.

Завтрак, как и вчерашний обед, проходил в полном молчании: никто ничего не спрашивал, никто ни с кем не разговаривал, никто ни к кому не приставал.

Первой не выдержала Анечка. Обратив внимание на то, что Коновалов положил себе вторую порцию черной икры, она, предварительно извинившись, посоветовала быть осторожным:

– Вчера Витя съел натошак две ложечки, и вот вам результат...

– Какой результат? – не понял Борис Сергеевич.

– Отравился! Я сказала Екатерине Николаевне, чтобы она выбросила ее, но Екатерина Николаевна меня не послушала.

Коновалов нагнулся к блюдцу. Понюхал над ним воздух и, удивленно пожав плечами, сказал, что, может, для кого-то икра и несвежая, а вот для него – мента непривередливого – так в самый раз. С этими словами он зачерпнул полную ложку и демонстративно отправил ее содержимое в рот.

После этого все опять замолчали. Стало так тихо, что можно было услышать, как в углу под диваном скребла мышь. Она то старательно царапала по дереву, то, испугавшись издаваемого шума, замирала на несколько секунд – не выдала ли себя – и осторожно принималась за работу дальше.

Вторым не выдержал Виктор. Резко отодвинув стул, он вышел из-за стола. Подошел к бару, достал бутылку «Мартеля» и, на ходу свертывая пробку, вернулся на место. Решив не тратить время на хождение за бокалом, наполнил коньяком стоявшую рядом чайную чашку, поднял ее... И только тогда вспомнил о гостях.

Поставив чашку на стол, он вопросительно посмотрел на Коновалова.

Коновалов сказал: нет.

Виктор пожал плечами: нет так нет – и, словно не замечая того, что рядом с Коноваловым сижу я, перевел взгляд на Романова.

Спросил, не налить ли ему.

Романов скромно потупил взгляд.

– Значит, налить!

Виктор наполнил его чашку, после чего встал и, расправив плечи, предложил помянуть Константина.

К тому, что меня постоянно унижали в доме Худобиных, я привык. Меня, бывало, не замечали, пренебрегали моим мнением, игнорировали мои желания, но такого, чтобы обнести куском хлеба или рюмкой коньяка, еще не было... А я в первую минуту даже не понял, что произошло. Не отрывая глаз, смотрел на то, как Романов, растягивая удовольствие, мелкими глотками опорожнял чашку, как Виктор, обливая подбородок, давился, но продолжал пить, и удивлялся своему спокойствию. Тому, что сижу, как сидел, жую, как жевал, молчу, как молчал всю жизнь, вместо того чтобы вскочить со стула, сдернуть скатерть со стола и высказать все, что скопилось на душе... Ах, если бы кто только знал, как мне хотелось, чтобы в эту минуту Романов взял в руки бутылку, поднял ее над столом и обратился ко мне с предложением выпить с ними! И я бы ответил ему: «С удовольствием!» И поблагодарил бы его! И взял бы чашку – понюхал, достаточно ли у «Мартеля» вонючий запах, пожелал бы всем присутствующим приятного аппетита, а потом спокойно, не торопясь, выплеснул коньяк в ненавистную рожу хозяина!

– Не человек – глыба! – сказал я в ответ на предложение помянуть Константина. – Сто-процентный Худобин! Без изъяна!

– Да, это правда, – приняв мои слова за похвалу, согласилась бабушка. – Он был очень похож на своего отца.

Виктор покосился на меня, пытаюсь понять: прикалываюсь ли я или говорю серьезно. Не найдя к чему придраться, кивнул:

– Согласен... Вот только не повезло ему в жизни. Родителей молодыми похоронил, сам рано умер. Даже жениться, блин, не успел.

– Никого у него не было, – вздохнула бабушка.

Виктор тут же поправил ее:

– Никого, кроме нас!

В эту минуту в зал вошел Михаил. Стараясь говорить как можно медленнее и внятнее, потому что говорить как обычно уже не мог – язык заплетался, спросил: согрелись ли мы и не надо ли добавить тепла.

Бабушка поблагодарила его. Сказала: не надо.

– Ну, тогда к вам гость! – Михаил махнул рукой себе за спину и вышел.

Вместо него появился парень примерно моего возраста. Высокий, худой, я бы даже сказал, тощий, с заплетенной на затылке косичкой, золотой серьгой в ухе и шелковой косынкой, повязанной замысловатым узлом на шее, он выглядел так, как, по его мнению, должна выглядеть творческая личность. Надо признать, ему это удалось. Причем настолько, что ни у кого из нас, глядя на это чучело, ручаюсь, даже мысль не мелькнула о том, что оно могло оказаться банальным инспектором какого-нибудь газэлектронадзора.

Парень представился дизайнером фирмы «Интерьер-сервис». Выдержал паузу, во время которой, видимо, ждал приглашения войти, а мы ждали, чего он скажет дальше, и высказал желание увидеть господина Худобина.

– А ты кто такой? – Коновалов сделал вид, что не расслышал этих слов. – А ну-ка, предъяви документы!

Парень предъявил. Документы, судя по недовольному лицу капитана милиции, оказались в порядке.

– Так зачем, ты говоришь, приехал в Мыскино?

– У меня заказ.

– Какой заказ?

– На изготовление проекта реконструкции дома.

– Какого дома?

– Этого.

– Этого? – удивился Коновалов.

– Ну да! Поселок Мыскино, улица Сосновая, дом четыре... Может, я не туда попал? – забеспокоился дизайнер.

– Туда, туда! – Виктор встал с кресла. – Вы не ошиблись. Худобин – это я.

Не успел парень назвать свое имя, как Виктор, небрежно извинившись, попросил приехать его в следующий раз.

– Я понимаю, вы проделали немалый путь, – добавил он сухим тоном, – но дело в том, что у нас тут случилось несчастье... Поэтому, я надеюсь, вы не станете возражать против того, чтобы перенести нашу встречу на потом?

Парень стал. Он сказал, что у него есть задание, начальство, которое дало ему это задание, потом еще что-то... Не дослушав, Виктор демонстративно повернулся к нему спиной и, обращаясь к Анечке, попросил напомнить, где у них записаны телефоны других дизайнерских фирм.

Парень, не будь дураком, тут же извинился за то, что его неправильно поняли.

Пообещав приехать в другое, удобное для всех время, он торопливо поблагодарил присутствующих за доставленное удовольствие от общения, попрощался и быстро вышел.

– Странный тип! – бросил в сторону закрывшейся двери Коновалов. – Серьга, косичка, косынка, «Интерьер-сервис»... Терпеть не могу!

Романов возразил, сказав, что фирма «Интерьер-сервис» одна из наиболее крупных и уважаемых фирм в городе, а ее сотрудники, насколько ему известно, профессионалы высокого уровня. Потом вдруг вспомнил о том, что давно хотел сделать ремонт в своей квартире, да не знал как, и выбежал вслед за дизайнером.

– Ты хочешь перестроить дом? – обращаясь к Виктору, спросила бабушка.

– С чего ты взяла?

– Ну как же? Проект! Реконструкция!

– Да нет! – Виктор махнул рукой. – Это просто слова такие. На самом деле ничего серьезного.

Бабушка не поверила. Сказав, что дядя Толя вложил в этот дом не только миллионы денег, но и частичку своей души, она в категоричной форме потребовала сохранить в нем следы его пребывания.

– Вот умру – тогда и делай что хочешь. А пока...

А пока она жива, Виктору, значит, нельзя делать ремонт в доме, где в трещинах потолка хранилась память о ее родном брате, мои родители не имели права трогать в переполненном шкафу принадлежавшие покойному дедушке вещи, а я, соответственно, не мог пить, курить, водить подружек...

Кстати, пока не умерла бабушка, ночевать вне дома мне тоже категорически запрещалось.

Романов вернулся через пять минут. Сел за стол, помахал ладонью возле лица и выдохнул:

– Жарко тут у вас!

У нас и вправду было жарковато. Радиаторы отопления, скрытые за тонкой шторой, раскалились до такой степени, что я чуть не ожег пальцы, нечаянно прикоснувшись к ним.

Увидев это, Виктор довольно улыбнулся.

– Это я велел Михаилу натопить! – похвастался он.

Нашел, идиот, чем гордиться. Хотел ему сказать, что в тридцать два года не уметь пользоваться газовым котлом теперь уже своего дома – первый признак умственной деградации, да передумал – не хотел накалять обстановку.

Вместо этого предложил открыть окно.

Разгоряченный после выпитого коньяка Романов поддержал меня. А Анечка – нет. Покосившись на кресло, в котором еще вчера сидел Рыльский, она высказала опасение, что в окно может кто-нибудь влезть.

– Кто? – рассмеялся Виктор. – Дядя Максим? Брось! Он уже давно грызет глотки где-нибудь километрах в ста отсюда!

– А вдруг он вернется?

– Не вернется! А если вернется – ему же хуже будет. Ты меня знаешь! Я колья тесал не для того, чтобы Михаил к ним сажены подвизывал. Правда, – тут Виктор бросил на Романова уничижительный взгляд, – они недостаточно остры для серьезных дел, но ведь и грудь русского упыря тоже, небось, не железная! Я правильно говорю?

Я сказал: правильно. И добавил:

– За исключением того, что упырь Рыльский, по мнению Василия Сергеевича, Константина зубом не трогал.

Не знаю, возможно, с моей стороны было не совсем этично передавать слова, сказанные в приватной беседе, к тому же не совсем трезвым человеком, но уж очень в этот момент мне хотелось осадить Виктора. Смотреть на то, как он с важным видом несет откровенную чушь, было выше моих сил.

Бабушка всплеснула руками.

– Что я слышу?! Вы действительно так сказали? – обратилась она к Романову.

Пьяно улынувшись, Романов ответил: да.

– Объясните! – потребовал Коновалов.

– А чего тут объяснять? Вы, как я понял, считаете Рыльского упырем единственно на основании показаний Анны, которая видела, как он то ли пил кровь Константина, то ли, как только что выразился Виктор Анатольевич, грыз ему глотку. А между тем хочу напомнить, что, по заключению эксперта, Константина убили обычным кухонным ножом, который убийца держал в правой руке.

– Да, это так, – после секундного замешательства согласился Коновалов. – Но ведь Рыльский мог сначала убить Худобина ножом, а уж потом...

– Уверяю вас, – приложил ладонь к груди Романов, – он его не только не грыз, он его даже не убивал!

– Почему вы так решили?

– Потому же, почему Виктор Анатольевич не мог убить своего брата, а именно из-за отсутствия отпечатков пальцев на бокалах из-под коньяка... Давайте рассуждать логично. Если убийца стер свои отпечатки с бокалов, значит, он брал их в руки. Так?

– Допустим.

– Что, в свою очередь, указывает на то, что убийца, перед тем как заколоть Константина, пил из них...

– Ну и что? – перебил Коновалов. – Что это доказывает?

– То, что Максим Валерьянович в принципе не мог оказаться в данной ситуации. А не мог он оказаться в ней потому, что, в отличие от меня, грешного, не пьет. То есть совершенно! Он, уверяю вас, серьезно болен. И я, кажется, даже догадываюсь чем.

– Чем? – спросила бабушка.

– Вы когда-нибудь слышали про болезнь под названием порфирия?

– Постойте, постойте! – замахал руками Коновалов. – Если я вас правильно понял, то, по-вашему, Рыльский не мог убить Константина по причине того, что является трезвенником, тогда как убийца, насколько нам известно, перед тем как совершить преступление, пил с убитым?

– Верно.

– Хорошо! – согласился Коновалов. – В смысле, хорошо, если Рыльский действительно закоренелый трезвенник! А если нет? Если он все-таки выпивает? Пусть даже чуть-чуть, в исключительных случаях: на поминках, свадьбах, днях рождения начальства? Что тогда?

Бабушка сказала, что на ее памяти за последние пять-шесть лет таких случаев не было. А я, в свою очередь, напомнил присутствующим о том, как вчера за обедом Максим Валерьянович в категоричной форме отказался от коньяка, предложенного Константином.

– Это что же тогда получается? – спросила Анечка. – Если дядя Максим не убийца, то убийц среди нас, выходит, нет?

Я мысленно поаплодировал ей. Хороший вопрос. А если принять во внимание тот факт, что все мы не далее как вчера дружно признались в убийстве Константина, просто-таки замечательный!

Не успела Анечка закрыть свой прелестный ротик и в ожидании ответа посмотреть на мужа, как Коновалов вскочил на ноги. Делая огромное количество ненужных движений, оббежал стол и, размеренно махая указательным пальцем перед лицом Виктора, проорал, что он не верит ни нам, ни нашим словам, ни нашим алиби.

– Сегодня ровно в пятнадцать ноль-ноль вы все! до единого! по моей команде! займете те места! которые занимали вчера! и станете делать то! что делали ровно сутки назад! Ясно вам?!

Анечка испугалась. Сидя на стуле, она непроизвольно выпрямила спину и сказала: ясно.

– А вам? – Коновалов обратился к Виктору.

– Тоже.

– И вот еще что! – Сжав пальцы в кулак, Коновалов затряс им в воздухе. – Если кто-то вдруг во время эксперимента окажется там, где, по словам свидетелей, оказаться не мог, или чьи-то действия не состыкуются со временем, когда эти действия должны были произойти, – не взыщите! Нагрузу по полной программе, кто бы он ни был!

Тут Коновалов внезапно умолк. Удивленно захлопал ресницами и, ничего не говоря, быстрым шагом вышел в коридор.

– Что с ним? – спросила бабушка.

Романов, а потом и Виктор, посмотрев вслед удаляющемуся милиционеру, удивленно пожали плечами.

Всё прояснилось через пятнадцать минут. С зеленым от злости лицом Коновалов вернулся в зал. Сел за стол, взял блюдо с черной икрой, понюхал и сказал, что протухшими продуктами у них в КПЗ не кормят даже ушедших в несознанку преступников.

– Так вот в чем дело! – догадалась Анечка. – А ведь я вас, Борис Сергеевич, предупреждала: не ешьте много икры! Витя съел вчера натошак две ложечки, и вот вам...

Коновалов досадливо махнул рукой: дескать, какой смысл говорить о том, что уже сделано. Вытер пот со лба и попросил открыть окно – жарко.

Я открыл. Не прошло и минуты, как комната наполнилась запахами дождя, скошенной травы, дыма топящейся на соседней улице бани и какими-то тонкими, еле уловимыми ароматами, придающими запахам дождя, дыма и травы особый, ни с чем не сравнимый вкус.

Проветрив комнату, я неплотно прикрыл створку. Развернулся и как бы между прочим заметил, что проводить следственный эксперимент в условиях, когда один из его непосредственных участников событий отсутствует, по меньшей мере бессмысленно.

– А чего это ты вдруг так разволновался? – прищурился, спросил Виктор. – Что, сердечко ёкнуло?

Приложив руку к груди, я ответил, что с сердечком, как и с желудочком, у меня полный порядок. А волнуюсь я не за себя, а за него – моего хоть и двоюродного, но все ж таки дядю. Вдруг окажется, что туалет, в котором он пропоносил убийство Константина, все это время был кем-то занят...

– Что тогда подумает милиция? А?

Не давая разгореться новой ссоре, бабушка решила прибегнуть к испытанному средству – обратилась с интересующим всех вопросом к Романову.

Повернувшись к нему, она громко спросила, что это за болезнь, которой страдает Рыльский.

– Порфирия-то? – Романов задумчиво посмотрел на бутылку «Мартеля». – Да так... Есть такая зараза, говорят, генетическая.

Отодвинув пустую чашку, он широким движением пьяного человека, решившего продемонстрировать, что по-прежнему находится в отличной форме, закинул ногу на ногу и сказал, что название болезни, если ему не изменяет память, произошло от фермента порфирин, чей избыток в крови, собственно, и приводит к этому заболеванию.

– Для этой заразы характерны следующие симптомы, – принялся загибать он пальцы. – Во-первых: быстрое старение организма, деформация кожи под воздействием солнечных лучей, так называемый синдром «лимонной корки», и ухудшение зрения. Во-вторых: поражение центральной нервной системы, возникновение галлюцинаций, бреда. И в-третьих...

А вот что оказалось в-третьих, мы так и не узнали. Загнув после мизинца с безымянным пальцем средний, Романов икнул и сказал, что все остальное, в общем-то, не суть важно. За исключением того, что у больных порфирией белки глаз становятся розовыми, кожа – белой, ногти – кривыми, характер – паршивым.

«Всё как у Худобиных!» – сразу подумалось мне.

Решив на всякий случай проверить, не болеет ли Виктор порфирией, я устроил ему визуальный медосмотр. Внимательно осмотрел с головы до ног, прикинул на глаз состояние кожи, цвет белка, кривизну ногтей и с большим сожалением вынужден был признать, что, кроме паршивого характера и поражения нервной системы, других симптомов, указывающих на то, что он генетически больной и ему пора лечиться, нет.

Виктор поймал мой взгляд. Спросил: чего это я на него пялюсь.

– Да вот гляжу на тебя и думаю, чем ты, дяденька, займешься во время следственного эксперимента? Понос у тебя прошел, причем как-то подозрительно быстро, да и коньяк в кабинете пить не с кем?

Не успел Виктор, что по-латыни означает «победитель», встать из-за стола, дабы продемонстрировать мне на деле (или на теле, уж не знаю, как правильно), чем он, победитель дворянских племянников, собирается заняться в самое ближайшее время, как бабушка, отвлекая его внимание, высказалась по поводу задуманного Коноваловым эксперимента. По ее мнению, которое она выразила в весьма резкой форме, ставить опыты на людях, каждый из которых пользуется заслуженным уважением в обществе, затея изначально порочная. А ставить их без Рыльского – глупая и порочная вдвойне.

– Нас это унижает! – положив руку на плечо Виктора, воскликнула она. – А вам, Борис Сергеевич, это, уверяю, ничего не даст!

– И что вы предлагаете? – усмехнулся Коновалов. – Пойти в лес, хором позвать Рыльского?

– Ничего я не предлагаю! – ответила бабушка. – Вы – милиция, вы и должны предлагать!

Последнее замечание, не знаю почему, всерьез задело Коновалова. Он что есть силы хлопнул ладонью по столу и заявил, что, кроме соседа, у которого год назад занял сотню и до сих пор не отдал, никому ничего не должен.

– А эксперимент, несмотря ни на что, будет проведен! Ясно вам? С Рыльским или нет – мне по барабану! И прошу всех на этом успокоиться! Всё! Диспут окончен!

Однако не тут-то было. Ни на этом, ни на чем другом бабушка успокаиваться не пожелала. С упрямством уверенного в своей правоте человека она принялась методично объяснять Коновалову и всем нам, что без Рыльского, без его перемещений по дому результат эксперимента непременно исказится, а последствия окажутся не только непредсказуемыми, но и, что самое страшное, ошибочными.

– И что прикажете делать? – снова спросил Коновалов. – Поднять на ноги егерей, чтобы те еще раз прочесали лес, а вас, извинившись за причиненное беспокойство, развезти по домам?

– Я не знаю, – ответила бабушка.

– А кто знает? Пушкин?

– Может, Пушкин! Может, Маяковский! Может, Романов скажет, он тоже, говорят, поэт. Мне все равно, – уперлась бабушка. – Но эксперимент, говоря я вам, без Максима проводить нельзя!

Услышав свою фамилию, Романов оторвал взгляд от бутылки «Мартеля». С видом мученика, вынужденного сидеть в компании людей, рассказывающих историю, конец которой ему давно известен, извинился за то, что вмешивается в чужой разговор. Подождал, когда бабушка успокоится, и сказал, что, если надо, может указать место, где прячется Максим Валерьянович.

– Да неужели? – Коновалов ехидно улыбнулся. – Ну и где же, позвольте узнать? В логове волка-оборотня, я так полагаю?

– Нет. В доме.

– В каком доме?

– В этом.

Как кожа, облитая кипятком, сползает с тела, обнажая красное мясо, так улыбка медленно сползла с лица Коновалова. Уголки смеющихся губ, от которых в разные стороны разбегались мелкие морщинки, были еще приподняты вверх, а глаза уже выражали озабоченность и тревогу.

Он осторожно, двумя пальцами, потрогал побагровевшие щеки, словно боялся нечаянным движением причинить им боль, и, стараясь говорить как можно спокойнее, спросил Романова, откуда ему это известно.

– Ну как же? – Романов, как мне показалось, искренне удивился вопросу. – Да вы сами подумайте. Во-первых: Максим Валерьянович не надел ботинки, что, согласитесь, довольно странно для человека, который на ночь глядя решил побегать под дождем. А во-вторых, как

сказал Виктор Анатольевич, бежать-то ему, собственно говоря, некуда: с одной стороны Мыскино, если я все правильно понял, – лес, с другой – река.

Не знаю, что больше напугало моих родственников – сознание того, что Рыльский всю прошедшую ночь провел с ними под одной крышей, или то, что он продолжал находиться под ней до сих пор, но слова Романова, который, как показала практика, не ошибался в своих предположениях, вызвали легкий переполох в их рядах. Бабушка пересела на другой конец стола – подальше от двери, Анечка придвинулась к Виктору, а сам Виктор, едва услышав о том, где находится Рыльский, призвал собравшихся взяться как один за осиновые колья. Подождал, когда Коновалов – единственный откликнувшийся на его призыв – достанет из-под пиджака пистолет, и с решительным видом направился к выходу.

– Ищите в чуланах, где темно! – не вставая с места, крикнул вдогонку Романов. – Я думаю, он там!

И он действительно оказался там. Не прошло десяти минут с момента начала поисков, как Рыльский был обнаружен, схвачен и выставлен на всеобщее обозрение.

Увидев его, я обомлел. Обычно насупленный и слегка надменный, Максим Валерьянович выглядел как ребенок, пойманный на воровстве. Его прищуренный подслеповатый взгляд, не зная, за что зацепиться, бестолково рыскал по полу, губы дрожали, руки, выражая общую неуверенность, то лезли в карманы пиджака и гремели мелочью, то складывались на животе и цеплялись друг за друга пальцами.

– Вы не имеете права! – первое, что произнес он, увидев нас.

– Еще как имеем! – замахнулся осиновым колом Виктор. – Кровосос несчастный!

– Я не кровосос!

– А кто вы? – спросил Коновалов. – Убийца? Ведь это вы убили Константина Худобина? Правильно? Разругались с ним, а потом в состоянии аффекта прикончили ножом... Признавайтесь, суд учтет.

– Неправда! Я его даже пальцем не трогал!

– Зубом, – поправил Виктор.

Взгляд Максима Валерьяновича перестал рыскать по полу.

– У нас теперь принято говорить: «Зубом не трогал», – пояснил Коновалов. – Так где вы, говорите, его не трогали? В кабинете?

– А уж в кабинете тем более!

– Это ложь! – подскочила к Рыльскому Анечка. – Я все видела!

– Что ты видела? – перебил ее Максим Валерьянович. – Что?

– Видела, как вы... как вы... – Она захлебнулась слезами. – Как вы наклонились над Константином и что-то там делали!

Грустно улыбнувшись, Рыльский покачал головой. Протянул ладонь, желая погладить Анечку по голове, но, видимо, испугался того, что его жест будет неправильно истолкован, и отдернул руку. Поправил воротник пиджака и сказал, что когда вошел в кабинет, Константин был уже мертв. Причем смерть, добавил он, по всей видимости, произошла незадолго до его прихода.

– Почему вы так решили? – спросил Коновалов.

– Кровь еще продолжала течь. – Максим Валерьянович глубоко задумался. Еще раз покачал головой и медленно произнес: – Вы бы только видели... Густая, как клюквенный сироп, она сочилась на рубашку... Сочилась и сочилась... потом вдруг перестала, да так неожиданно, что я даже не заметил, в какой момент это произошло. И вот что интересно! Как только она перестала сочиться, ее цвет стал меняться. Догадались почему? Она высыхала! Завораживающее, скажу вам, зрелище... А потом я почувствовал запах! Сначала он казался противным, даже отвратительным, но... Чем ниже я склонялся к ране и глубже вдыхал его, тем он стано-

вился менее неприятным. Он был, как бы вам точнее описать, немного терпким, чуть-чуть сладковатым, приторным, от него так кружилась голова и колотилось сердце, что...

– Хватит! – Анечка затопала ногами. – Я прошу вас: хватит! Хватит! Я больше не могу этого слышать! – Она закрыла уши ладонями и повалилась на спинку кресла.

Рыльский опомнился. Опустил руку, которую поднял, когда с восторгом говорил о вкусе крови Константина, жалко улыбнулся и глазами ребенка, пойманного на воровстве, растерянно посмотрел по сторонам.

– Зачем вы вошли в кабинет? – спросил Коновалов. – С какой целью?

Максим Валерьянович оббежал глазами комнату и, остановив взгляд на одном из кресел, в котором сидел вчера, неуверенно пожал плечами.

– Я не знаю... Я смотрел телевизор. А потом началась реклама. Знаете, такая громкая, раздражающая. Я встал и решил размять ноги.

– Кто еще в это время находился в зале?

– Кажется, Екатерина Николаевна.

– И все? Больше никого?

– Нет. Она одна.

– И что было потом, после того как вы нанюхались крови?

Посмотрев на Анечку, Рыльский сказал, что потом ничего такого, что могло бы заинтересовать милицию, не было. Просто в кабинет вошла одна глупая девочка, и эта девочка, судя по тому, какими глазами смотрела на него, вообразила себе невесть какие страсти.

– Я попросил ее никому ничего не рассказывать. Сами знаете: скажешь людям одно, а они обязательно все переиначат.

– Вы пили с Константином коньяк?

Максим Валерьянович не задумываясь ответил: нет.

– А его кровь? – спросил Романов. – Только честно!

– Честно?

Все думали, что Максим Валерьянович начнет отпираться. А он глубоко вздохнул, потом поморщился, так, словно у него внезапно заболела голова, и признался, что не знает, – может, и попробовал капельку.

– Ну зачем вы мучаете меня? – Он с укором посмотрел на Романова. – Я не помню, все так перемешалось... Поймите, я больной человек, мне нехорошо. Видите, какое сегодня солнечное утро?

Прищурившись, Максим Валерьянович бросил жалобный взгляд в сторону окна. Прикрыл ладонью глаза и отвернулся.

Не знаю, может, мнение Романова, выступившего в защиту Рыльского, оказало влияние на решение Коновалова, может, была какая-то другая, более веская причина, но допрос Максима Валерьяновича на этом, по существу, закончился. Коновалов мягко пожурил его за то, что тот оказал сопротивление находящемуся при исполнении служебных обязанностей сотруднику милиции, но тут же успокоил, пообещав, при условии сохранения взаимного уважения, забыть об этом досадном инциденте.

– Ну что, договорились? – спросил он, пристально всматриваясь Рыльскому в глаза. – Я имею в виду: уважать друг друга.

Уж что-то, а уважать себя Рыльский не возражал. Хотя, думаю, прекрасно обошелся бы и без этого.

Равнодушно пожав плечами, он сказал: да, договорились.

А вот я бы на его месте сказал: нет. Потому что после слова «да» никто и никогда не узнает о том, как один храбрый Тузик пытался разорвать грелку в неравном бою. А теперь...

– А теперь, – прошептал я на ухо бабушке, – придется молчать. Не каждый день Тузики предлагают мир грелкам.

Бабушка подумала и сказала:
– Не каждый.

* * *

На НТВ начались трехчасовые новости. Вместе с бабушкой, Максимом Валерьяновичем, Анечкой и капитаном милиции Борисом Сергеевичем Коноваловым я сидел перед телевизором, смотрел, как на экране одна беда сменяет другую, как за сюжетом об авиационной катастрофе следует сюжет о катастрофе железнодорожной, и думал о начавшемся следственном эксперименте. И пришел к выводу: ничего хорошего этот эксперимент мне не сулит. Что делать дальше, я по-прежнему не знал, где провести ближайшие два часа – не придумал, и как разойтись с бабушкой в спальне – не решил.

Услышав пьяный хохот, доносящийся из кабинета дяди Толи, я оторвался от телевизора, по которому показывали пожар в Москве, и попросил объяснить: как можно проводить следственный эксперимент, когда треть испытуемых – Виктор Худобин и Романов – не в состоянии участвовать в нем.

Коновалов тут же поправил меня: не треть испытуемых, а всего лишь один из них.

– Романов как спал вчера на столе в кабинете, так, судя по всему, будет спать и сегодня, что для чистоты эксперимента даже хорошо, – пояснил он свою мысль. – А что касается Худобина, то и тут особой проблемы нет: все его действия известны вплоть до минуты. С пятнадцати ноль-ноль до шестнадцати сорока он находился в зале, а с шестнадцати сорока до того момента, когда закричала Анна, – в туалете.

Анечка встала. Поправила майку и сказала, что ей пора идти наверх.

– Иди, раз пора, – разрешил Коновалов. И тут же посмотрел на часы.

Обогнув кресло, Анечка прошла мимо, даже не взглянув в мою сторону. Напротив коридора, ведущего в кабинет дяди Толи, остановилась, прислушиваясь к тому, что ее пьяный муж кричит Романову, и направилась дальше.

«Ну вот, – подумал я. – Пройдет минута-другая – и, как поется в той песне, настанет мой черед».

– Ну а ты чего сидишь? – через минуту-другую спросил Коновалов. – Заснул?

Решив не спорить, я поднялся по лестнице. Прошел в нашу с бабушкой комнату и лег на свою кровать.

«Ну и что дальше? – спросил себя. – Часа через полтора в сопровождении толпы зевак, желающих присутствовать при моем разоблачении, сюда придет бабушка. И первый вопрос, который мне зададут, будет о том, почему она не видела меня здесь вчера. И что я отвечу? Что в это время ходил убивать Виктора? А Коновалов спросит, почему в таком случае я в спальне, а не там, в кабинете? Что мне сказать? Что в зале полно народа и я не могу незамеченным пройти сквозь них? Чуть какая-то!»

Ничего не придумав, вышел в коридор. Подошел к краю лестницы, оперся локтями на перила и стал наблюдать за тем, как проходил следственный эксперимент.

А проходил он, надо сказать, довольно скучно. Бабушка, словно ее интересовало количество жертв на шахте Донбасса, неотрывно смотрела на экран телевизора, Рыльский, по своему обыкновению, дремал, Коновалов громко зевал и изредка бросал взгляд на часы.

– Сколько времени? – спросила бабушка.

Коновалов ответил: три двадцать пять.

Бабушка молча кивнула и снова уткнулась лицом в телевизор.

На экране появилась заставка программы «Прогноз погоды». Бабушка повернулась к Коновалову и сказала, что вчера в это время из кабинета вышел Константин и попросил принести выпивку с закуской.

В зале появился Виктор Худобин. Пьяной походкой проследовал до бара, открыл его, достал бутылку «Мартеля». Обвел хмурым взглядом комнату и спросил, обращаясь к бабушке, где закуска.

– В холодильнике, – ответила та.

– Ладно, – пробормотал Виктор. – Пойдем к холодильнику.

Натыкаясь на кресла, он прошел на кухню. Минут через пять вернулся, остановился возле мирно сидящего на диване Коновалова, нагнулся и показал ему поднос с блюдцем мелко нарезанных лимонов: смотри, мол, ни прокисшей икры, ни чего другого твоего тут нет. После чего отдал честь рукой с бутылкой коньяка и, попросив разрешения отбыть в кабинет для дальнейшего продолжения следственного эксперимента, вышел в коридор.

– Паяц, – громко прошептал ему вслед Коновалов.

Это точно. А еще он – шут, клоун и, по мнению Романова, убийца.

И тут я внезапно подумал:

«А почему, собственно, по мнению Романова? Почему Виктор на самом деле не мог быть убийцей ну хотя бы для начала своей родной сестры Виолетты? У него как раз и мотив для этого подходящий имелся – наследство».

Эта мысль показалась мне настолько интересной и, чего там греха таить, приятной, что я решил обдумать ее самым тщательным образом. А обдумав, нашел подтверждение своей догадке... Где-то после Нового года, когда стало известно о том, что болезнь дяди Толи неизлечима, Виктор занял значительную сумму денег, чтобы, как сказала бабушка, покрыть убытки от бизнеса.

«А раз занял, – сделал я вывод, – значит, эту значительную сумму надо возвращать? А как ее возвращать, если бизнес приносит убытки?»

Ответ очевиден – только из денег грядущего наследства.

«Но если каждый день, – продолжал я выстраивать логическую цепочку, способную превратиться для Виктора в арестантскую цепь, – жрать черную икру ложками и пить французские коньяки ведрами, так, пожалуй, не то что половинки – целого наследства не хватит для того, чтобы расплатиться с долгами».

Доказав таким образом, что убийство Виолетты явилось результатом финансового кризиса, в котором оказался ее родной брат, я переключился на обращение дяди Толи к наследникам. Теперь, когда мне известен убийца, можно спокойно порассуждать о причинах, побудивших к написанию его. Итак... Началось все, как мне кажется, с ошибки анонима. Аноним, будучи уверен в том, что Худобин-старший не пожалеет денег на то, чтобы найти убийцу дочери, прислал письмо, в котором за долю наследства предложил назвать его имя. Но! Он не учел одного важного, на мой взгляд, обстоятельства – дядя Толя умирал. И поэтому ничего его в этом письме не волновало. Какой смысл спрашивать, как ее повесили, когда он и так знал: как. Ради чего интересоваться деталями убийства, если детали ровным счетом ничего не значат? И зачем просить назвать имя преступника, если об этом он мог догадаться сам... Не знаю, какое наказание дядя Толя придумал для Виктора, но то, что оно не предусматривало уголовной ответственности, видно из написанного им послания. В нем дядя Толя не только предупредил Виктора об анониме – свидетеле преступления, – но также поставил анонима перед простым и очевидным выбором: либо он затыкается и спокойно доживает до старости, либо как последний дурак идет в милицию и там, без фактов и доказательств, пробует довести дело до суда, что при ближайшем рассмотрении представляется занятием совершенно бесперспективным.

Возникает, правда, вопрос: почему дядя Толя не предупредил Виктора об этом раньше, когда был жив?

«Да потому, – сам собой нашелся ответ, – что дядя Толя, как любой нормальный отец, воспитывавший сына по своему образу и подобию, то есть честным, добрым, справедливым,

видимо, так до конца не смог поверить в то, что его чадо способно задушить собственную сестру».

И тут мне в голову пришла еще одна мысль. А может, подумал я, дядя Толя не говорил с Виктором об убийстве Виолетты только потому, что боялся услышать от него правду? Ведь как однажды справедливо заметила моя бабушка: «Правда, что цепная собака: на кого спустят, в того и вцепится».

А то, что вцепится она дяде Толе в инфарктное сердце, можно было не сомневаться.

Вот так, в сомнениях и размышлениях о судьбах семьи Худобиных, прошел час. За это время я успел поваляться на кровати, спуститься вниз (благо Коновалов куда-то пропал), перекинуться парой фраз с бабушкой, перед тем как она, согласно условию эксперимента, поднялась в нашу комнату поправлять мою постель, и даже перехватить бутерброд на кухне.

В это время или чуть позже проснулся Рыльский. Когда с бутербродом в одной руке и стаканом молока в другой я вернулся в зал, он уже стоял возле камина, переминаясь с ноги на ногу. Увидев меня, виновато улыбнулся и сказал, что решил немного размяться.

– Что, раздражающая реклама началась? – поинтересовался я.

Максим Валерьянович бросил взгляд на экран телевизора, по которому транслировали футбол, и сказал, что ничего подобного, кажется, не говорил.

– Да ладно, – сказал я. – Это я так пошутил.

В этот момент по лестнице спустилась бабушка. Посетовав на изнуряющую жару, она спросила, почему мы находимся не там, где должны находиться.

– Вы знаете, сколько сейчас времени?

– Без десяти пять, – посмотрел я на часы. – А что?

– Ничего! Давайте, живо расходитесь по местам, пока Коновалов вас не увидел. Аня уже скоро выйдет.

И действительно. Пока я объяснял бабушке, что участвовать в эксперименте, не имеющем юридической силы, так же глупо, как убеждать Худобиных в том, что банкротство предприятий – не коммерчески выгодная сделка, а статья Уголовного кодекса, в зале появилась Анечка. Одета по-домашнему, в свободные джинсы и большую навывпуск рубашку с широко распахнутым воротом, она выглядела расстроенной и уставшей. Круги под глазами, опущенные плечи, медленная, слегка заторможенная походка – говорили о том, что последние сутки дались ей с большим трудом.

Увидев в зале Рыльского, она удивленно вскинула брови. Однако тут же опустила их и, не останавливаясь, молча проследовала в сторону коридора.

А я снова посетовал на судьбу.

«Ну почему, – думал я, – одним достается все: “Мерседесы”, загородные коттеджи, красивые женщины, от одного вида которых теряешь голову, другим – диван в хрущевке, родительская “копейка” и девочки из числа тех, кому не нашлось мест в “Мерседесах”? Почему, чтобы добиться желаемого, одним достаточно фамилии, другим – тройной меры ума и таланта не хватит для того, чтобы обеспечить себе достойное существование?»

Я спросил себя: кем был бы Виктор, носи он фамилию, допустим, Курочкин? И ответил: в лучшем случае тем, кем он является на самом деле – вульгарным убийцей и бездарным бизнесменом.

«А кем мог бы стать я, будь я Худобиным не на четверть, а хотя бы наполовину?»

Решив не травить душу, я поставил стакан с недопитым молоком на полку камина.

– Пойду-ка я, пожалуй, туда, куда меня определила судьба, – сказал бабушке.

– Это куда же?

– На свое место!

Только я подошел к лестнице, как из коридора вышла Анечка. Медленно шевеля губами, она прислонилась к стенке, заскулила и медленно спустилась на пол.

Ну и ладно. Я поднялся на первую ступеньку и остановился, задумавшись над тем, что делать дальше. В спальню идти не хотелось, а оставаться в зале – означало нарываться на очередной скандал с Коноваловым. Постоял несколько секунд и решил наведаться в кабинет.

«Пусть у меня нет денег, – утешал я себя, – пусть мою “копейку” не видно из окна лимузина, зато, в отличие от многих, я порядочен и честен! Я не какая-то там тварь дрожащая – я право имею! Покажусь в кабинете и буду говорить всем, что убил Константина... Пусть потом доказывают что хотят».

Открыв дверь кабинета, я вошел внутрь. Осмотрелся и увидел знакомую картину: на одном конце письменного стола, уронив голову на руку, рядом с которой стояли бутылка коньяка, два бокала и одно блюдо с кружочками лимонов, сладко сопел Романов, на другом – неподвижно сидел Виктор Худобин. Голова Виктора была откинута назад, на спинку кресла, а из залитой кровью груди торчала рукоятка кухонного ножа.

Несмотря на приоткрытое окно, из которого доносился противный визг газонокосилки, было жарко. Я вынул из кармана носовой платок – вытер пот с шеи. Посмотрел в застывшее лицо Худобина и вдруг, сам не знаю отчего, задался вопросом: интересно, о чем он думал за секунду до смерти? О том, что будет с ним в будущем? Или о том, что было в прошлом? А может, он думал о том, что такого-то числа, месяца и года надо было сделать то, а не это? Или это, а не то? Ведь наверняка в этот момент в голову еще не мертвого человека лезет какая-нибудь несусветная чушь, вроде мысли о том, что времени подумать о чем-то действительно важном уже не осталось.

Дверь с треском распахнулась. В кабинет, тяжело дыша, вбежал Коновалов.

– Что?! Что?! – крикнул мне.

Я кивнул в сторону письменного стола, давая ему самому оценить результаты проводимого им следственного эксперимента.

Увидев нож в груди Виктора, Коновалов протяжно застонал. Развернулся на триста шестьдесят градусов и что есть силы ударил кулаком левой руки по правой ладони.

Быстро спросил:

– Кто его, знаешь?

Я отрицательно покачал головой:

– Не я.

– И не я, – сказала вошедшая вслед за Борисом Сергеевичем бабушка.

– И не я тоже, – утирая слезы, чуть слышно прошептала стоявшая на пороге рядом с Рыльским Анечка.

– А кто?! – заорал Коновалов. – Кто, я вас спрашиваю?!

– Дед Пихто! – сказал Рыльский. И хихикнул. После чего вышел вперед, посмотрел на Виктора и, не сдержавшись, хихикнул еще раз. Правда, тут же извинился и пообещал взять себя в руки.

Занятое это было зрелище – наблюдать за тем, как Рыльский берет себя в руки. То подобно не в меру разволновавшемуся актеру он старательно хмурил брови, то кривил в легком презрении губы, то скорбно опускал глаза и приносил соболезнование вдове гробовым голосом – ничего не помогало: улыбка несмываемым пятном то и дело проступала на его лице.

Наконец он не выдержал и захохотал во все горло.

– Что это с ним? – испуганно прошептала бабушка.

Максим Валерьянович захохотал еще громче. Помахал в воздухе ладонью, мол, не обращайтесь на меня внимания, и сквозь смех выдавил из себя:

– Все, кролики, баста!.. Ни одного Худобина... Ни одного... Как корова языком слизнула! И снова зашелся в хохоте.

– Очень смешно, – усмехнулся Коновалов.

Рыльский вытер слезы, градом катящиеся с глаз, и сказал, что ничего веселого в этом, конечно, нет.

– Мне просто вспомнились слова Анатолия...

– Какие?

– О том, что мир делится на хищников и жертв... Что если хочешь жить по-людски – надо становиться хищником... Он и детей своих этому учил... А невдомек-то ему, дураку, что в природе редкий хищник умирает своей смертью... Так вот и тут – я жив, а их, хищничков, корова языком слизнула... Правда, смешно?

Еще раз хихикнув, Максим Валерьянович внезапно насупился. Поправил воротник пиджака, посмотрел на Анечку с таким видом, будто хотел высмотреть на ее теле наиболее уязвимое место, и пожаловался на то, что шестнадцать лет назад Худобины заняли у него тысячу рублей – огромные по тем временам деньги – и до сих пор не вернули.

* * *

Все было как в прошлый раз. Прокурор вместе со следователем ходил по этажам и восхищался убранством дома, судмедэксперт осматривал тело убитого, эксперт-криминалист снимал отпечатки пальцев, милиционеры в форме и штатском допрашивали свидетелей, писали, переговаривались по телефону – словом, вели себя так, как их предшественники вели себя четыре месяца назад, когда задушили Виолетту, вчера, когда зарезали Константина, и будут вести себя завтра, если, конечно, к этому времени убийца не поленится и убьет кого-нибудь еще.

«Но даже если никто никого не убьет, они, наверное, все равно приедут – по привычке».

Не знаю, кому как, а мне это порядком надоело. Из раза в раз отвечая на одни и те же вопросы очередного пинкертонца, я внезапно поймал себя на мысли о том, что убийства, регулярно происходящие в доме дяди Толи, и не менее регулярное появление в нем людей, призванных найти убийцу, стали неотъемлемой частью моего бытия, как дождь в июне, как неснашиваемое бабушкино пальто, как мысль, которой я проникаюсь каждый раз, когда посещаю Мыскино: «Курочкины – дикие предки Худобиных».

А еще меня огорчило поведение Анечки. Выходя после допроса из кабинета дяди Толи, мы нечаянно столкнулись в коридоре. Ударившись мне в плечо, она вздрогнула, как от пощечины, инстинктивно отгородилась от меня забором скрещенных рук и закричала, чтобы я не прикасался к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.